Андрей ехал в «дальний огород». Так в семье звали дачный участок в сорока километрах от города, если, конечно, можно назвать дачным участком кусок поля с редкими деревцами. Много лет картошку сажали где попадя, и часто это превращалось в пустые хлопоты. И вот, когда появилась возможность взять участок, то, особо не раздумывая, взяли. Строить дачу, как это делают все новоявленные владельцы четырёх соток земли, не стали. Сыновья учились, не до этого было, а у Андрея Николаевича, после детства в деревне, тоже особого желания сливаться с природой не проявилось. Просто распахивали под плуг по весне и сажали картошку и другие долгорастущие овощи. Без машины там, конечно, делать было нечего, как-никак сорок километров, и на дорогу уходило около часа. На участке, кроме туалета и ящика под лопаты, строений не было. Сегодня поливочный день, всю неделю стояла дикая жара, и ехать надо, край как необходимо. По этому поводу и случился сегодняшний взрыв. Евгения вдруг заявила, что идея повесить ей на шею полгектара земли пришла в голову Андрею только для того, чтобы лишний раз продемонстрировать, что место женщины на кухне и в гряде, что женщина — курица, которая должна по зёрнышку пополнять запасы продуктов в доме. Недоуменное по поводу «полгектара» и возражения Андрея ещё больше подстегнули её, и она пошла вразнос. Истерика, слёзы…

После рождения второго сына Евгения из весёлой и жизнерадостной женщины как-то незаметно, но достаточно быстро превратилась в истеричку. Обыкновенную истеричку, со всеми присущими в таких случаях атрибутами. Психиатр сказал, что это возможная патологическая реакция организма на послеродовую гормональную перестройку. В основном женщины после родов становятся мягче, женственнее, но бывает и наоборот. Наоборот и случилось. Со временем всё вроде утряслось, Андрей всячески оберегал Женю от стрессов и лишних забот. Младший, Мишка, практически вырос на его руках. Назаров как раз писал диссертацию, почти постоянно было дома, вставал по ночам, когда он плакал, купал его. Молоко у Жени пропало почти сразу после родов, и Мишка вырос от молочной кухни. К нервным срывам Евгении Андрей приспособился, переходя при вспышках в глухую защиту, и это в некоторой степени спасало. То, что произошло сегодня, уже вышло за рамки привычного.

Воткнув в щель магнитолы диск с любимой Уитни Хьюстон, Назаров вздохнул и придавил педаль акселератора до полика. Всё! Состояние умиротворения закончено. Прошло уже полчаса драгоценного поливного времени, а поливальщик ещё в дороге. Время подачи воды на участки было расписано как в Центре управления полётами — с точностью до минуты. Участков много, а с водой, как и со всем, что надо людям, чтобы жить в нашей любимой Родине, напряжёнка. Садовые активисты, а это в основном пенсионеры, не успевшие реализоваться на службе, распределили время подачи так, что участки, где кучковались начальники, даже такие мелкие, как Андрей, зачастую оставались вообще без воды. Малая такая месть бывшим их отцам-командирам.

Андрей, развернув шланг, метался между грядок, пытаясь объять необъятное. Вода, в судорогах подёргав шланг минут двадцать, последний раз фыркнула-хрюкнула, и шланг вяло опал. Несмотря на ассоциативность ситуации, чувства удовлетворения у Андрея не появилось, так как остались не политыми две грядки и грязные по колено ноги. Плюнув от досады и бросив шланг на землю, Андрей взглянул в сторону соседа. Лёша тоже стоял в позе недоумения.

— Лёш, наших ещё минут десять должно быть.

— Как видишь… Финита ля комедиа. Звиздец, по-русски. Борьба за жизнь под солнцем принимает угрожающие формы.

Лёша подтолкнул вверх грязным пальцем вечно спадающие очки и покорно пошёл на другой конец участка. Андрей так и не удосужился завести на участке хоть какую, даже небольшую, ёмкость, даже просто пару бочек. Он на этом уже не раз попадался, а дураку всё урок не впрок. Оглядев себя и вспомнив общественность, распределяющую воду, словами непечатной формы, Андрей стал сматывать шланг. Грязный, весь в комьях земли, шланг для чистюли Назарова был ещё более

……

1. Начало. Окончание в №2/2019.

противен, чем немытые ноги. Пока укладывал его в ящик, измазался ещё больше. У соседа через дорогу можно было ополоснуться, бак стоял куркульский, кубов на пять, но пока шла поливка, Андрей слышал, как его визгливая жена орала, что у бака устроили болото. И орала явно в сторону соседа, тихого Коли Голованского.

«Ну её к чёрту. До озера так доеду, а там капитально помоюсь». Не надевая брюк и не обуваясь, Андрей отёр руки о траву и сел в машину.

Подъезжая к выезду на тракт, Андрей увидел на обочине одиноко стоящую девушку. Краем глаза он засёк, что она вяло махнула рукой и отвернулась. «Можно взять… Вид у меня… Да ну её… Нет, надо взять, чья-то же дочка». Пока боролся с собой, проехал метров пятьдесят. Резко затормозив, включил заднюю скорость. Машина, повыв коробкой, вильнула к обочине и остановилась напротив девушки. Девица, наклонившись к открытому окну и увидев сидящего без штанов Андрея, на секунду замешкалась, но всё-таки спросила:

— До города возьмёте?

— С одним условием.

— Каким?—в глазах плеснулся испуг.

— По дороге на двадцать минут завернуть на озеро. На участке внезапно закрыли воду, и вот… Сами видите.

— Не знаю…

Девушка выпрямилась и оглянулась на трассу в надежде остановить кого поприличней. По крайней мере, хотя бы в штанах. Андрей, глянув в зеркало, увидел пустынную трассу. В это время путные дачники ещё домой не едут. Андрей включил скорость и чуть тронул машину. Нет так нет.

— Постойте. Я согласна, если недолго.

— Недолго. Я только ополоснусь. Чтобы вас не смущать, сумку поставьте впереди, а сами на заднее садитесь.

Минут десять ехали молча.

Андрей краем глаза в зеркало посматривал на попутчицу. «Да пожалуй, и не девушка. Скорее молодая женщина… Лет двадцать пять—двадцать восемь». Попутчица смотрела в окно, думая о своём.

— Продукты от мамы?

— Да,—попутчица, очнувшись от своих мыслей, поправила причёску. Зевнув, прикрыла ладошкой рот и сказала, словно оправдываясь:—Косили уже вчера. Допоздна.

— Да, в этом году трава рано поднялась. Я тоже, пока институт закончил, много таких сумок перетаскал.

— Помогло в учёбе?

— Ещё как.

Андрей замолчал, и ещё минут пятнадцать ехали молча. Попутчица разговор поддерживала вяло, а навязываться не хотелось.

— А что, у вас уже нет родителей в деревне?

— Умерли. Я уже и сам старенький.

— Ну… не так чтобы уж очень,—попутчица, коротко взглянув в зеркало заднего вида и столкнувшись взглядом с Андреем, хмыкнула.—Какой же вы старенький? Старенький—это который с тросточкой у подъезда сидит. А вы… мужчина средних лет. Так, кажется, говорят в подобных случаях?

— Так говорят в подобных случаях, чтобы не обидеть. Вас как зовут?

— Наташа.

— А я—Андрей…—помолчал секунду.—Николаевич.

— Очень приятно, Андрей Николаевич.

— Вы учительница?

— Не-а. Не угадали, Андрей Николаевич.

— Да ну? У вас же на лбу написан факультет русского языка и литературы.

— Не-а. Плохой вы физиономист, Андрей Николаевич. Я—следователь.

— Ни фига себе,—Андрей присвистнул.—Как это вы умудрились из деревенской школы на юрфак втиснуться?

— А как вы на информатику?

— Да как… Знакомство хорошее было, вот и втиснули.

— А у меня знакомства не было. Просто школу с золотой медалью закончила.

— А… Ну, тогда молчу. Куда нам… И следователь вы, конечно, по особо важным делам. Важняк!

— Да. На данный момент в производстве дело по факту кражи бутылки водки из ларька и избиение женой мужа при помощи поварёшки методом по голове.

— Да… Не спорю, дела особой важности. Особенно этот, «методом по голове».

— А что? Голову пробила, могут и посадить.

— У нас уже прибывших с явкой с повинной и признавшихся киллеров не сажают, а вы…

— Вот злодей пришёл с явкой, а орудия злодейства нет—и вина его порой недоказательна. А тут всё в порядке. Вещдок у меня в сейфе. Как была в борще, так и лежит с прилипшей капустой. И ведь посадят глупую тётку, если у мужика с головой какой непорядок будет.

— Чего вы туда пошли? Марининой начитались?

— А куда?—усмехнулась.—После юрфака дорог много… Только в адвокатских конторах на десять лет все места забиты, а в серьёзную фирму юристов только со стажем берут. Остаётся одна дорога—в райотдел. От слова «рай».

— Слушайте…—Андрей повернулся, посмотрел на спутницу внимательно.—Как специалист скажите: в «Ментах» всё взаправду показывали?

— Более чем наполовину. Есть, конечно, фишки, но в основном… близко к истине.

— И так же часто пьют?

— Мужчины — да. Единственный способ остаться нормальным человеком.
— Не понял!
— А чего тут непонятного? Представьте себе, что человек бóльшую часть своей жизни видит эту жизнь с изнанки. То, о чём вот вы, — она на секунду задумалась, — стараетесь не думать. Или быстро забыть. Вы часто трупы видите?
— Да Бог миловал.
— Ну, если и видите, то, конечно, морщитесь и стараетесь быстрей забыть. А они видят их чуть не каждый день. Искалеченные трупы, пьянь всякая, наркоманы, ранее осуждённые, заключённые из сизо. Кстати, а что такое сизо?
— Следственный изолятор. Это где до суда сидят.
— Правильно. И, замечу вам, сидят годами. По сорок человек в камере. Вот приводят подследственного на допрос, и он смотрит на вас зверем. Вы для него сгусток зла, и он платит вам тем же. Так вот, чтобы не тащить всё это с собой в дом, они и расслабляются.
— А вы?
— А я ещё не научилась. Когда судили моего первого подследственного, он попросил меня, чтобы я пришла на суд. И я, дура, попёрлась.
— И проплакала всю ночь.
— А вы откуда знаете?
— Я знаю древнюю как мир истину о медиках, которые не должны умирать вместе с каждым пациентом.
— Истина банальная, согласна. Кстати медики тоже прилично расслабляются…
— …Тем более что расслабуха всегда под руками. На суды вы больше не ходите?
— Только если судья требует.
— А за что того, первого, посадили?
— За распространение наркотиков. Осудили по максимуму.
— В Китае их расстреливают прямо на площади. Вы вот о нём плакали, не думая о тех, кого он на иглу посадил.
— Не надо. Не так всё просто. И о тех я думала, — девушка вздохнула, замолчала, долго глядела в окно. — Давайте закроем эту душещипательную тему. Вы-то чем занимаетесь?
— Я — программист. Работал завсектором АСУ одного завода, пока он не почил, так сказать, в Бозе. Успел даже кандидатскую состряпать, но уже практически на вылете. Сейчас в шарашке, делаем программы под заказ. На сухую корочку зарабатываю.
— Ещё и на машину остаётся.
— Да нет. Она уже старушка. Просто я её очень люблю, хорошо за ней ухаживаю, вот она и смотрится как новая.
— Как можно любить железяку?
— Слова женщины. Вы не задумывались, почему моряки плачут о затонувшем корабле? Более или менее сложный механизм, будь то автомобиль, корабль или самолёт, так же одухотворён, как и человек. Он имеет свою, железную, душу. Вы не смейтесь, я это точно знаю.
— Ерунда. Железяка и есть железяка. Тем более изготовленная на конвейере. В механизм штучной работы я бы ещё поверила, а штампованные…
— Можете не верить, но я в этом уверен абсолютно. Вот моя ласточка не хочет выезжать из гаража в слякоть. Глохнет, не тянет, дрожит. Все водители знают, что чистая машина быстрей разгоняется. Машину нельзя материть, обязательно отомстит.
— Да ну вас, — Наташа неожиданно звонко рассмеялась. — Вы меня разыгрываете.
— Клянусь её аккумулятором. Она очень умная.
— Да ни за что не поверю. Я же говорю: железяка — она и есть железяка!

Вдалеке, километрах в двух, в плоской кустистой долине, сверкнуло под солнцем маленькое зеркало озера.
— Ну вот, скоро и озеро. Вы на меня не сердитесь, я быстро. Не ехать же в таком виде в город.
— Да уж… Вид у вас крайне несерьёзный.
— И он, надо сказать, вас смутил. Так?
— Нет, интересно, какая у меня могла быть реакция на водителя, сидящего за рулём без штанов? Нормальная реакция нормальной женщины.
— На своей работе вы, вероятно, видели картины и покруче.
— Мы же договорились закрыть эту тему.
— Виноват…

До озера ехали молча. Андрей решил в разговор больше не влезать. И так уже много наговорено. Молчком оно спокойнее. Сейчас быстро ополоснётся — и домой. Озеро распахнулось ширью, гладью и десятками машин на берегу. Андрей осторожно проехал вдоль всего автомобильного табора и остановился крайним. Вынул из багажника старое покрывало и расстелил его на траве.
— Вы тут немного позагорайте, а я быстренько.
Немного не дойдя до воды, Андрей остановился, обернулся:
— Следователь, там в кармане рубашки права. Приглядите, чтобы супостаты не умыкнули.
— Приглядим, — Наталья улыбнулась, покачала головой, махнула рукой. — Идите, идите…
«И не просто идите…» — договорил Андрей про себя и с шумом плюхнулся в воду. У берега ребятишки размешали воду до густоты городской сметаны. Андрей быстро заплыл подальше и с удовольствием наплавался до дрожи в ногах. Отряхиваясь, подошёл к машине, вытянул из пакета старое махровое полотенце. Попутчица, прикрыв глаза, сидела на покрывале и глядела в небо.
— Ну, как вода?
— Прекрасная вода. А вы что же? Сходите, окунитесь. Такая жара.

— Купальник не взяла.
— Так в чём дело? Идите вон туда, к кустам. Я там как-то карасей рыбалил. Заход в воду хотя и каменистый, но пройти можно. И вода там чище.

Наталья сняла тёмные очки и, приподнявшись, посмотрела в сторону кустов.
— Не знаю. Соблазнительно… Неудобно, подойдёт ещё кто.
— Да кто туда пойдёт? Рыбаки появятся только к вечеру. Идите, не пожалеете. У воды — да не искупаться. Или вы только на Канарах?
— Издеваетесь? Ладно, пойду. Только вы не смотрите в мою сторону.
— Так уж и быть, не буду на вас смотреть, — Андрей засмеялся и уже с интересом оглядел попутчицу, отчего она смутилась. — Да идите, идите… Не буду смотреть. Я пока полежу, обсохну.

Андрей зашёл за машину, накинул рубашку и, сняв мокрые плавки, надел брюки прямо на голое тело. Плавки выжал и сложил в пакет. Лёг на покрывало и зажмурился. Солнце пробивалось сквозь закрытые веки мягким розовым светом. Ему показалось, что он на минутку даже задремал, когда услышал шаги по траве. Его попутчица шла, сильно прихрамывая, кофточка местами прилипла к мокрому телу, джинсы висели на плече. Ладонь правой руки прижимала к бедру. Андрей быстро встал, шагнул навстречу.
— Что такое?
— Упала.
— Да где же там можно упасть?
— На камнях. Наколола ногу, неловко повернулась и упала на бок.

Наталья подошла и, повернувшись боком, отняла руку. Плавки чуть ниже резинки были разорваны углом, и по ткани расплывалось кровяное пятно.
— Ни фига себе искупалась. Ну как же вы так?
— Вот так. И нога…
— Покажите.

Наталья, опершись ему о плечо, подняла ступню. На подошве слегка кровоточила небольшая ранка.
— Ну, это ерунда. Опирайтесь об меня, и пойдём к машине.

Андрей вынул из салона аптечку, раскрыл её на капоте.
— На ноге ваша кровоточащая рана потерпит, давайте рану на… — показал на бедро. — Эту обработаем.
— Я сама…
— Как хотите. Просто вам будет неудобно.
— Удобно.
— Да ради Бога. Только минутку. У меня в бутылке чистая вода, давайте ополоснём, — Андрей достал бутылку, подошёл. — Вы только чуток резинку оттяните, а я полью.
— Сейчас! Может, вам их совсем снять?!
— Знаете! Да делайте вы со своими ранами что хотите! — Андрей сунул ей бутылку в руку. — Целомудренность… как у Агафьи Лыковой. Сомневаюсь, что вы в милиции работаете.

Андрей пошёл к багажнику, стал удобней укладывать разъехавшиеся пакеты с редиской и луком, искоса поглядывая на попутчицу. Ей действительно было неудобно, стоя на одной ноге, делать там что-то сзади. «Она сейчас точно навернётся и ещё себе что-нибудь расшибёт». Андрей решительно захлопнул багажник.
— Хватит дурака валять! Я вас послал в эти чёртовы кусты, я вас и лечить буду!

«Клиент» уже осознал всю меру своего упрямства, созрел и молча покорился.
— Держите резинку, — Андрей плеснул на рану чистой воды и промокнул бинтом.

Ссадина ещё кровоточила. Тогда он решительно потянул верх плавок вниз.
— Ой… — Наталья ухватила их рукой.
— Не ойкайте, совсем снимать не буду. Держите так. Знаете что? — Андрей взглянул на покрывало. — Ложитесь на живот, на покрывало. Мне так удобней. Я всё время боюсь, что, стоя на одной ноге, вы навернётесь ещё раз.
— Слушайте, как вас… Андрей Николаевич. Не командуйте. Я сама знаю, как мне лучше. И не навернусь я больше.
— Да… Много вы знаете. Чего тогда валитесь на камни? Ложитесь, лейтенант ранения бедра.
— Откуда вы знаете, что я лейтенант?
— От верблюда.

Андрей мягко, но настойчиво подтолкнул её к покрывалу. Наталья на одной ноге попрыгала и легла ничком. Подвернув верхний край плавок, Андрей, ещё раз промокнув рану бинтом, плеснул на ватку йода.
— А верблюд разве не сказал вам, что я старший лейтенант?
— А им, верблюдам, всё равно, что старший, что младший. Верблюды — они и есть верблюды. Сейчас будет больно, старлей, потерпите, — приложив ватку к ссадине, промокнул несколько раз.
— Ой… — зашипела Наталья. — Больно…
— Тоже мне — старший лейтенант… Женщина, а боли боитесь. Вся женская доля состоит из боли.
— Откуда это вы женскую долю знаете?
— Знаю.
— Ну что там у вас? — Наталья обернулась.
— Не у нас, а у вас, на… Не буду говорить «на где». Не спешите, пусть кровь совсем остановится. Ногу покажите.

Наталья подняла ногу, Андрей бинтом отёр ступню.
— Ну, это нам, народным лекарям, раз плюнуть.

Ранка была небольшой и почти не кровила.
— Залепим сейчас вашу болячку, как на собаке заживёт. В смысле… быстро.

Андрей ближе к берегу, куда не заезжают машины, выбрал небольшой, но сочный лист подорожника, размял его и туго прибинтовал к ноге.
— Ну вот, завтра и забудете, что тут зияла кровоточащая рана. Так что там у нас? Вернее, у вас, опять не буду говорить «на где»,— отнял тампон.— Порядок. Сейчас залепим пластырем, и первичная санобработка окончена. Будете жить, комиссар Мегрэ.
— И откуда вы знаете, как всё это делать?
— А я всё знаю. Я старый и мудрый. Как Акела.
— На Акелу вы не похожи. Вам ближе тип удава Каа.
— Обижаете, мадам. Тоже, сравнили со змеюкой.
— Змея — символ мудрости.
— Так, лейтенант Коломбо. Рану я залепил, но мочить её вашими безнадёжно испорченными, пардон, трусиками нежелательно. Изгиб вашего бедра, в связи с тем что я уже старый и мудрый, меня не совратит, так что полежите, пока не высохнет.
— И долго?
— А вы торопитесь? Вы не замужем, в городе вас ждать не кому — куда спешить?
— И почему вы так решили?! — Наталья, возмущённо сверкнув глазами, повернулась к Андрею.
— «Потому та», как говорит внук моего друга Воронцова.
— А может, ждёт?
— Ну, тогда подождёт. Полежите минут десять,— Андрей поднялся с травы и стал укладывать аптечку.— Хоть вы и шарахаетесь от моих советов, рискну дать ещё один.
— Какой? — Наталья опасливо посмотрела на Андрея снизу.
— Простой, как правда. Я открою дверку, вы на неё набросите покрывало и за этой ширмочкой снимете свои изодранные и мокрые. А джинсы надевайте прямо так, на голое тело. Иначе вы ими промочите тампон с пластырем, и рана может воспалиться. Представляете себе все неудобства расположения вашей раны?
— И всё-то вы знаете.
— Поживите с моё, помучайтесь. Кстати, я так уже сделал, чтобы не сверкать мокрым задом. И всегда так делаю! Я пойду погуляю, опять в вашу сторону смотреть не буду, а вы последуйте моему совету. Поверьте, хуже не будет.

Когда Андрей подошёл к машине, покрывало было аккуратно сложено на багажнике, а израненная попутчица сидела на заднем сиденье. Сидела, повернувшись на один бок.
— Ну что, можем ехать?
— Да.
— Мой совет пришёлся впору?
— Всё нормально. Послушайте, вы очень практичный человек. Вашей жене хорошо с вами. Всё вы знаете, всё умеете.
— Моей жене просто прекрасно со мной,— Андрей захохотал, вспомнив последнюю ссору.

Выезжая на тракт, на секунду задумавшись, повторил:
— Моей жене со мной просто здорово!
— А как вы угадали, что я не замужем?
— Да чего тут мудрёного? Дедуктивный мэтод. У вас нет обручального кольца. Всё элементарно, Ватсон.
— Это не факт, Холмс. Не все носят кольца.
— Ну, тогда у вас очень плохой муж, никудышный, надо сказать, муж, если позволяет вам таскать такие сумки. А никудышный муж — это ещё хуже, чем никакого.
— Вот в этом вы на все сто правы. Потому я и не замужем. Хороших разобрали, а никудышных нам и даром не нать.
— Принца ждала?
— В некоторой степени. Были и принцы в моём окружении — красотки расхватали.
— А я вот красоток боюсь. Это как дорогая машина: могут украсть, сглазить могут, если кто позавидует. Оправа ей, опять же, нужна хорошая, в смысле одежда. В общем, одни хлопоты.
— Это в вас уже жизненный опыт говорит. А они, прынцы, ещё молодые, глупые, вот и бросаются на крашеных блондинок.
— А вы чего же не покрасились?
— А мне это всё равно бы не помогло. Я — серая, незаметная мышь.

Андрей оглянулся, внимательно оглядел Наталью.
— Вы на дорогу смотрите… пожалуйста. Мышка я, мышка.
— Кто это вам сказал?
— Мне не надо говорить, у меня зеркало есть.
— Не то у вас зеркало. Помните: «Кто на свете всех милей…»?
— Мне и зеркала такого не досталось. Слушайте, мы снова влезли не в ту тему. Давайте и её закроем.
— Давайте и эту закроем. Ну что, больно?
— Немного.
— Завтра на работе можете рассказать, что вы преследовали банду кровожадных грабителей, а бандюганы отстреливались от вас из гранатомёта. Но вы ловко, как Джеймс Бонд, увернулись, и лишь маленький осколок слегка поцарапал вашу фигуру. Можете даже рану показать. В доказательство. Пусть попробуют не поверить.
— Да… Иронии не занимать. Рану я завтра обязательно покажу. На планёрке,— Наталья вздохнула.— Завтра у меня трудный допрос.
— Пытать будете? Калёным железом? Или на дыбе?
— Да ну вас… Вот по роже его вижу, что гад, а доказательств нет. Глухая несознанка.
— А что он наделал… этот, который гад?
— Пацанов на иглу сажал. Первых две-три дозы давал бесплатно, а когда капитально присядут — по три шкуры драл.

— А вы у него при аресте нашли наркоту?
— Нашли дозу. Говорит, для собственного употребления. Не распространял, не продавал.
— Ну вот взяли бы и забили ему куда-нибудь всё, что нашли.
— И рядом с ним на нары. Блестящая перспектива. Законы наши местами гуманны до глупости.
— Вам дай волю, вы всех пересажаете. Забыли товарища Берию?
— Но и от таких пользы никакой. Оперативники ноги стёрли, раскрыли целый завод по розливу палёнки, от которой мужики как мухи дохнут. Ну и что? Хозяина, как правило, нет, и никто его не видел. А тем, кто разливал,— копеечные штрафы.
— И этим надо в глотку всё пойло залить, которое они разводили.
— И ещё раз на нары. Так какие нужны законы?
— Умные. К городу подъезжаем. Вы, мадам, где проживаете?
— В Южном. Королёва, шесть.
— Ну, это почти по пути. Довезу до Королёва, шесть. Сам отправил на гибель, сам и буду исправлять свой проступок.
— Обвинение не возражает.
— А адвокат мне положен?
— Защита тоже не возражает.
— Вот с правосудием у нас идеально. И прикопаться не к чему.
— Наше правосудие надо заново создавать. Реформировать его бесполезно, ещё хуже получится.
— Правосудие — мера справедливости общества.
— Где это вы нахватались? На митинги КПРФ, наверное, втихушку с работы бегаете?
— А что, я не прав?
— Не надо высоких слов. В народе его не зря к дышлу приравнивают.
— Неужели всё так безнадёжно?
— Абсолютно. У нас бардак, а там…
— Да… У Каменской такой безнадёги не проскальзывало.
— Сравнили… Каменская — аналитик, гигант мысли. А я кто? Рядовой затурканный следователь.
— Ладно, рядовой-нестроевой, показывайте свой коттедж.
— Наш коттедж — «хрущоба», тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, ни разу не ремонтированная. Вот сюда, направо, третий подъезд.

Наталья вытащила из салона сумку и протянула Назарову полсотни.
— Спасибо. Этого хватит?
— Этого мало.
— Мало?..
— Мало для компенсации за тяжкие телесные повреждения, полученные по моей инициативе и вине.
— Да ну вас… Вы всё шутите. Ну так возьмёте деньги?
— Я вашу сумку, пожалуй, возьму. Какой этаж?
— Пятый.
— Вот это и будет достойной компенсацией. Что по этому поводу имеет обвинение?
— Обвинение безмолвствует.
— Удивительный факт из истории отечественной юриспруденции.

Наталья долго ковырялась в замке.
— Как он мне надоел, проклятый. Вот так каждый раз. Входите. Не буду извиняться, что у меня не прибрано. У меня как раз прибрано. Ставьте сумку сюда.

Назаров поставил сумку в коридоре и, не входя в комнату, заглянул, опершись о косяк.
— Интересно, какие дают квартиры следователям нашей доблестной милиции?
— В нашей доблестной получишь… хлястик от шинели. Это квартира моей бабушки. В прошлом году умерла, вот я и осталась тут жить.
— А вы что же, единственная наследница?
— Да,— Наталья вздохнула.— У бабули было четверо сыновей, в живых остался только мой папа. Двое на фронте погибли, а один от болезни рано умер.

Назаров, ещё раз оглядевшись в коридоре, пошёл к выходу.
— По законам жанра, я должна вам предложить остаться и попить чаю. Но я не люблю штампов.
— По законам того же жанра, я должен у вас попросить отвёртку и лихо, одним касанием, отремонтировать ваш замок. Но я не буду этого делать. Во-первых, я тоже не люблю штампы, а во-вторых, я не умею ремонтировать замки. Абсолютный профан в этих делах,— Андрей, взявшись за ручку, обернулся.— Я скажу банальность, но у меня такое чувство, что я вас знаю уже давно.
— Конечно, давно. Уже два часа. Целая вечность.
— После того, что между нами произошло, я, как честный человек, должен…— Андрей выставил указательный палец пистолетом.— Спросить ваш телефон.
— Зачем он вам?
— А вдруг… а вдруг я попаду в дурную компанию?
— И что тогда?
— Вы меня выручите. Вы мне так красочно опишете все прелести пребывания в тюрьме, что я откажусь от своих преступных замыслов.
— Вы всё шутите,— Наталья вздохнула.— Ладно… Честно признаться, мне тоже было с вами интересно. Я дам вам свой, но ваш брать не буду.
— Вы плетёте интригу, Каменская? Или это принцип?
— Нет, Холмс. Никакого принципа. Я защищаюсь.
— Интересный способ защиты. Наверное, заимствовали у страусов.
— У меня тоже кое-какой жизненный опыт есть. Захотите — позвоните. Не захотите — значит, так должно и быть. Я первая звонить не буду.

— Значит, всё-таки принципы.
— Значит, всё-таки вы женатый мужчина. Сколько у вас детей?
— Двое.
— Вот видите. Двое детей и жена — это очень серьёзно.
— О-хо-хо-хо… Если уж вы меня не совратили своим оголённым бедром, хотя и покарябанным, то уж телефонным звонком…
— Тогда, значит, принципы. Оценивайте как хотите. Вот мои координаты.

Андрей взял листок с телефоном, медленно положил в водительское удостоверение. Открыл дверь.
— А может…
— Нет, Андрей Николаевич, извините. Для одного дня и так много событий. Спасибо вам.
— Вы правы, пожалуй. До свидания.

Компьютер завис. Второй раз за день. Приличный «Пентиум» как-то по-бараньи тупел и зависал мёртвым бревном. Такого с ним ещё ни разу не было. Администратор сети, Витя Воронцов, подошёл со спины, и, прихлёбывая чай из своей знаменитой полулитровой кружки, стоял и сопел.
— Ну и чего? Чего она у тебя взбесилась? Вырубай, пусть подумает о бренности бытия.

Компьютер он звал «она», то есть «железа». Компьютерщик до последней клетки своего могучего тела, он, конечно, как и все шизанутые на этом деле ребята, немного форсил, но это уж так положено в той среде.
— Слушай, Андрюха. У Маринки святая вода в банке стоит. Окропи её, выгони сатану. Она свою часто кропит. У неё со своей «железой» критические дни в одно время.
— А откуда ты знаешь, когда у Маринки…
— Ты поработай с бабами столько, сколь я, и не то знать будешь.
— Ты лучше за своими хакерами гляди. Опять, наверное, кто блохастый диск сунул.
— Не надо. Это не вирус. Сервер заразу не пустит. Она у тебя просто влюбилась.
— Брось ты. «Железа» — она и есть «железа», хоть и умная.
— Много ты понимаешь. Ты её не материл?
— Как ты можешь такое обо мне? Я интеллигентный человек, кандидат наук. Я себе такое не позволяю.
— Врёшь как сивый мерин и не подпрыгиваешь. Я слышал, как ты выражался, когда тебе стол на ногу поставили.
— Ну так стол…
— А вот… Значит, мог. «Железу» нельзя материть Ей это не нравится. Она всё понимает.

Компьютер перезагрузился и вновь невинно засветил монитором. Ничего страшного не произошло. Мощный сервер, как чуткая нянька, всё видел, всё знал и всё предупреждал. Андрей вновь вышел на исходный текст и удовлетворённо хмыкнул.
— Слушай, Андрюха. А может, ты эта… влюбился? «Железа» и это чувствует.
— Да иди ты со своей «железой». Не смеши старого.
— Самое время бесу в старое ребро, — Витя хлопнул Андрея по плечу. — Покайся перед «железой», легче будет.

Легче не будет. Андрей вздохнул. Две недели после той памятной поездки на огород, а попутчица не выходит из головы. Десять раз Андрей брал трубку телефона, чтобы позвонить ей, и десять раз думал при этом: зачем?

«Вот ты грамотный, с виду умный мужик, ответь самому себе: зачем тебе это надо? Полнейшая глупь, недостойная разумного человека! Сопливая девчонка! Да, да! Сопливая девчонка, на немного старше твоего сына. Посмотри на себя со стороны, дурень. Ты увидишь полного идиота с бараньими глазами!»

Андрей свернул неоконченную программу, открыл окно записной книжки. Последняя запись бесстыже лезла в глаза: «Следственный отдел, Коренко Наталья Максимовна».
— Коренко Наталья Максимовна, собственной персоной, — повторил вслух Андрей. — Наталья Максимовна… Наталья…
— Чего ты там бормочешь? — Витя выглянул из-за своего монитора. — Заговариваешься или опять завис?
— Заговариваюсь. А где Маринка?
— Ребёнок заболел. Ты хочешь спросить, где у неё святая вода стоит?
— Всё-то ты знаешь, Витя, — Андрей похмыкал, покрутил губами, присвистнул. — Просто хотел проконсультироваться по одному о-очень важному вопросу.
— Давай я проконсультирую.
— Это не про «железу».

Витя обиделся.
— Можно подумать, что я, кроме «железы», ни в чём не разбираюсь. Умник хренов.
— Не обижайся, брат Витя. Ты умный. Это я так…

На самом деле Андрей действительно хотел отхлебнуть святой воды, чтобы хоть как-то провентилировать мозги. Не говорить же об этом Витьке. У него ума хватит по Интернету растрепаться своим корешам-хакерам. Дома обстановка как при разминировании фугаса. Одно неосторожное слово — и всё может разлететься на кусочки. После ссоры по поводу поездки в огород жена не сказал ещё ни одного слова. Общение осуществлялось на уровне междометий: «угу», «ага», пожимание плечами. Андрей всё явственней чувствовал закипание внутреннего протеста. «Почему? Что я сделал плохого в этой жизни, чтобы меня тихо ненавидеть? Если она больна — надо лечиться.

Есть отличные антидепрессанты. Сколько я могу выполнять роль бесчувственного болвана? Сдерживать вспышки Евгении холодным равнодушием уже невозможно. Всё! Работать сегодня дальше — себе и фирме во вред».

Андрей щёлкнул мышью, и программа, словно обрадовавшись, что к ней больше не пристают, быстро свернулась.

— Витя, пойдём напьёмся как свиньи.

— А почему «как»? — любимая приговорка Вити при употреблении союза «как». — Люди-человеки от свиньи отличаются только уровнем интеллекта, да и то не все. А внутренние органы — один к одному.

— Это не всё. Свиньи ещё не пьют разную гадость. Они валяются в грязи совершенно трезвые.

— Это хрюше плюс. Отсутствие комплексов — признак раскованности мышления.

— Не умничай. Пить будешь?

— А работа? Я борюсь за звание ударника буржуинского труда.

— И как борьба?

— С переменным успехом. Иногда «совок» побеждает. Вот и сейчас ты предлагаешь смертный грех соцреализма — пить водку в рабочее время. Я думаю. Идёт борьба. Кстати, а по какому поводу запой?

— Без комментариев. И без повода. «Потому та» — как говорит один маленький замечательный человечек.

Андрей пришёл домой в три часа ночи на бровях и автопилоте. Как, где и сколько шёл, где пили, что — всё кануло в небытие. Почему менты не повязали гражданина, идущего в таком виде сквозь ночь, — тоже непонятно. Бог, однако, присмотрел. Он любит сирых и несчастных.

«А и пусть. Пусть бы и повязали, — мысли тяжело ворочались в чугунной голове. — Сидел бы сейчас, как макака, в „обезьяннике“, звал бы на помощь Наталью: „Натаха, ау-у… Спасай…“ Она пришла бы… и выручила меня. Вот она бы спасла… Натаха… Божья птаха… Непременно бы выручила…»

Осмотревшись в комнате, обнаружил белую стопку постели, аккуратно уложенную на край дивана. «Приготовилась к встрече. А вот Женечка не стала бы выручать. Ну и не надо». Мысли в голове, несмотря на выпитое количество огненной воды, были почти ровные и логичные, хотя с приличными тормозами. «А на фига ты, собственно, ей нужен, старый барбос? Выручила бы она его… Сейчас… Тебе хочется, чтобы тебя пожалели, к тёплой и мягкой груди прижали? Утри слюни, если ты мужик! Сам себя выручай, если тебе уж так хреново. А чего тебе хреново? Наверное, ты никому не нужен? Очень хорошо… Ты не нужен. Ты никому не нужен… А почему ты должен быть обязательно кому-то нужен? Живи сам себе, радуйся каждое утро, что проснулся и живёшь, носом сопишь. Всё! Спать! Завтра сразу всем будешь нужен, если вовремя программу не сдашь. Все тебя вспомнят добрым русским словом из трёх или, в крайнем случае, пяти букв. Они вспомнят, какой ты хороший».

И, как Штирлиц, давший себе команду, Андрей уснул, не расстилая постели, прямо на голом диване, тревожно дёргая головой во сне и тихо всхлипывая.

Райотдел сдержанно, но сладострастно шуршал в предвкушении сегодняшней зарплаты. Опера́, покидав свою агентуру и прочую шушеру, с коей им приходится иметь дело каждый день, дружно «общались», и было совершенно ясно, что ничем хорошим это не кончится. Хотя их понять можно. Работа у них пыльная, а если точнее — грязная у них работа. И в прямом, и во всяких смыслах. За что им многое и прощалось. А если учесть, что почти все начальники начинали с оперов и после третьей стопки любого застолья принимались рассказывать, какие они были лихие ребята в ту зелёную пору… то многое им прощалось. При удобном случае отцы-командиры учили молодых оперов так: «Самое главное, чтобы оперуполномоченный не упал на пол намоченный». При детальной расшифровке это в основном обозначало, чтобы оперок в поддатом виде не хватался за табельный ствол, не гонял принародно любимую тёщу и не орал на центральной улице города, что он «всех на кичу, всех замочит». А немного покуражиться в своём кругу — святое дело.

Наталья сидела в крохотном кабинете с майором Мицневичем, многоопытным и насквозь прокуренным Семён Семёнычем, которого по аналогии с героем «Бриллиантовой руки» иногда в шутку звали Семён Семёныч Горбунков. Он не обижался. Он за свою очень долгую ментовскую жизнь столько всего перевидал, что если на этих свистунов обижаться, обижалки не хватит. Семён Семёныч уже неделю как гриппует, и Наталья наслаждалась одиночеством и чистым воздухом. Майор курил непрерывно, и если бы ему пришлось выходить в курилку на лестницу, то проще было бы вытащить туда и его стол. Закуривая очередной раз, он, виновато поглядывая на Наталью и пожимая плечами, пускал струю дыма под стол, где она, завиваясь выплывала уже из-под стола Натальи. Мундир у неё был прокурен так, что ни отпаривание утюгом, ни проветривание на балконе не выводили стойкий табачный дух. Проще было начать самой курить, чтобы его не замечать. Но если бы людей пропускали через газовую камеру кабинета Семён Семёныча, то вряд ли бы они начинали сами курить. Иммунитет вырабатывается стойко отрицательный.

— Наташ… — дверь стремительно приоткрылась, и показалась шестимесячно завитая химическим способом голова. — Я в кафе. Идёшь?
— Иду.
Наталья захлопнула распухшее до ожирения дело за номером 3864 по обвинению в краже автомагнитолы Шкрабиным Эдуардом Митрофановичем, а попросту — пацаном по кличке Кося. Почему Кося? А Бог его знает. Пацанва-подельники зовут его то Костя, то Коля, а чаще — Кося. Но вот как его отцу, пьяни и мелкому ворюге Митрофану Шкрабину, пришло на ум назвать сына Эдуардом — вот это загадка.
— Иду, — Наталья положила папку в сейф и вышла в коридор.
Вызывающе кудрявая голова Катерины мелькала уже около лестницы. Коридор райотдела, где в одном крыле сидят следователи, а в другом опера́, — своеобразный многослойный культурно-социологический срез. Вот уж поистине блеск и нищета. Наркота, деляги с гайками на пальцах, стриженые качки, съёмные и притонные «девочки», а иной уже за сорок, — все в наличии. Посади хорошего артиста на неделю в конце коридора — на всю жизнь характерных образов наберёшься.
Обедали в паршивой кафешке через дорогу. Обед язвенника: булочка с пластмассовой сосиской и кофе. Не один следователь оставил свой желудок по таким забегаловкам.
— Натали, как домой съездила?
— Нормально, картошку окучили. Косить уже помаленьку начинают. Живёт деревня. Это мы тут… прозябаем.
— Ну а я ничего «прозябла». С Мишаней купаться на речку ездили, — понизила голос, наклонилась к уху Наташи. — Повлюблялись потом в машине, как стемнело. Интересно… я впервые в машине.
— Приобщаешься к цивилизованному сексу. В Америке, говорят, тридцать процентов детей в машинах зачаты.
— Типун тебе на язык. Наговоришь… Рано ещё.
— А чего рано? Хомутай своего Мишу. Надоешь ему, глядишь, он и другую в машину посадит.
— Ещё раз тебе типун. Чего ты сегодня раскаркалась? А ты как вроде прихрамываешь?
— Ерунда. Стукнулась.
— Автобус ждала?
— Нет. На тракте попутку останавливала.
— Много содрал?
— Нисколько.
— Добрый дядя попался? Или очаровала?
— Ну, сейчас. Буду я пролётных очаровывать.
— Из пролётных и прохожих судьбы складываются.
— Это не тот случай. Но мужик интересный.
— В смысле — красивый?
— Умный.
— Да… — Катерина вздохнула. — Если умный, то обязательно чужой. Всегда так.
— А твой Миша-Михаил что, глупый?
— Не знаю. Иногда бывает и глупый.
— Что имеем, не ценим…
— Ценю. Ох как ценю. Ну и чего твой умный? Уехал в неизвестность и ручкой не помахал?
— А ты хочешь, чтобы он меня с собой домой взял? А жене и детям сказал, что нашёл на дороге? Пусть, мол, поживёт Она такая хорошенькая. Мне «мой» ещё не встретился.
— Будешь так мелко сеять — никогда не встретится.
— Мне бабушка ещё в детстве нагадала, что муж у меня будет хороший, но моложе меня, и нарожаю я ему двух деток. Вот потому я на старых и не гляжу.
— Фи… молодому сопли подтирать.
— Это не хуже, чем за старым горшки таскать.

На «после обеда» был вызван несовершеннолетний гражданин Перепёлкин Н. К., ударивший соседа кулаком в глаз и подставкой под обувь по голове за то, что тот его якобы материл. Матерки к делу не пришьёшь, растворились в эфире времени и пространства, а на побои справочка имеется.
— Перепёлкин, так за что вы ударили гражданина Гаврилина?
— Ну дак я уже писал, что трубу у меня прорвало и его затопило, а он давай меня при девушках поливать-материть всякими грязными, заборными словами. Я и дал ему в глаз, чтобы, значит, заткнулся. А чтобы не материл, значит, при девушках, добавил полкой от обуви.
— Сосед пишет в своём заявлении, что у вас пьянки каждый день, оргии всякие с плясками и криком. Девушки вот. Много было девушек?
— Девушек было как раз. А пьянствовать каждый день не могу по причине слабого здоровья.
«Да… Парнишка на вид, конечно, хлипкий, не то что его сосед со справкой. А фингал пацан, надо сказать, классный приварил! Сосед этот говорит, что специально не стал сдачи давать. Пронёс этот фингал как знамя. Интересно, а если бы его жену ударили, стал бы драться? Правда, там жена — как борец сумо. Такую как раз ударишь».
— Он же такой здоровый. Перепёлкин, как вы насмелились его ударить? Он же вас мог по стене размазать.
— Он бы не стал. Он расчётливый. Он свою собаку, сучку породистую, руками задавил, когда узнал, что от неё щенков не будет. Удавил, чтобы за укол не платить. И у детской площадки закопал, чтобы далеко не ходить, — парнишка ухмыльнулся. — Он расчётливый… Вот я перед девчонками и выступил. Знал, что не ответит.
— Выпендрился ты, Перепёлкин, на «хулиганку». Два года припаяют, вот тогда повыпендриваешься на нарах.
— На нары не пойду, верняк. Условно могут дать. Я социально неопасный тип.

«Да уж… Тип ты неопасный. Грудь — как у воробья колено. Та рожа куда как опасней. Ты просто дурачок, Перепёлкин. Тебя осудят, а он будет смеяться».

— Идите, Перепёлкин. Советую на суде чистосердечно раскаяться и извиниться перед соседом.

— Сейчас. Буду я перед ним извиняться. Да пошёл он…

— Посадят ведь, дурачка. Могут посадить.

— А вы меня не обзывайте. Я не дурачок. У меня принципы.

— Извините, Перепёлкин. Вы свободны… пока. Подпишите протокол и идите.

«Принципы у него. На нары попадёт — забудет о принципах. Не палёный ещё». В протоколе допроса написала, что подследственный Перепёлкин Н. К. поясняет, что был вынужден ударить потерпевшего Гаврилина Ю. П., так как он обзывал его грязной бранью в присутствии друзей Перепёлкина Н. К. Если свидетели подтвердят, это хоть немного поможет молодому и принципиальному дурачку.

Наталья отложила протокол допроса, сладко потянулась. «Не позвонил Андрей Николаевич. Не позвонил… А может, зря я так категорична с мужиками? Даже с такими немолодыми, как он. Вон Маринка ухватилась за своего Мишу, клещами не оторвёшь. Губошлёп слюнявый. И как она с ним целуется?..»

Наталья открыла сейф, уложила папку с протоколом, достала кобуру с «макарычем», чтобы сдать в оружейку. Дежурство почти закончилось, и можно избавиться от ненужной железки. «На фига он мне нужен? — покачала на руке пистолет. — Никогда я не выстрелю в человека. Какой бы он ни был человечек, Бог ему жизнь дал. Вот пусть Он и забирает». На стрельбище она с трудом набирала норматив и потом весь день ходила контуженная грохотом и дымом. Опера ржали как кони, глядя на неё: «Робя, Натаха в коме, бери что хошь, пока не очнулась». Да, ментом надо родиться. Эта шкура по размеру, и если она тебе мала или велика — бросай это дело. Так и будешь болтаться до пенсии в вечных капитанах, как Семён Семёныч. Хорошо, если на пенсию дадут майора. А может, и не дадут. Кроме четырёх звёздочек да чахотки, ничего и не заработал.

«Да, Андрей Николаевич! Я серая мышь, не заслуживающая внимания таких мужчин, как вы. Серая, незаметная, безликая, тусклая, худая и некрашеная. Какая я ещё? А никакая!»

Резко зазвонил телефон.

— Наталья, как ты там без меня? — голос Семён Семёныча был хриплый и скрипучий.

— Честно, Семён Семёныч?

— Честно.

— Если честно — то хорошо. Дышу полной грудью.

— Скоро будет ещё лучше.

— Не поняла!

— Комиссуют меня. Стенокардия. Группу дают.

— Ни фига себе, — Наталья удивлённо присвистнула. — Семён Семёныч, а может, вылечиться можно? Это что, окончательно?

— Окончательней не бывает. Скажи там ребятам: отваливает, мол, Сёма.

— Ну, вы как помирать собрались, Семён Семёныч. Выходите скорей на работу, и киснуть некогда будет.

— Не, Натулька, отработался Сёма. Ну, привет. Дыши полной грудью. Грудь у тебя красивая, так что дыши.

— Вы скажете тоже, Семён Семёныч, — Наталья засмущалась.

Мицневич уже положил трубку. «Вот и накаркала, дура. Теперь и майора к пенсии не получит». Наталья подошла к тусклому зеркалу, бывшему вещдоку по какому-то очень давнему делу, критически осмотрела себя, расстегнула китель, повернулась боком. «Грудь как грудь. До девяносто-шестьдесят-девяносто о-очень далеко. Господи, да кому это всё нужно?!»

Евгения сегодняшний день могла бы и не жить, всё равно бесполезно. Если с утра день не заладился — добра не жди. Да что там день. От жизни проку нет совершенно никакого. Что уж о каком-то дне говорить? Евгения была твёрдо уверена, что живёт чью-то чужую жизнь, никчёмную, тягостную, и совершенно зря этим занимается. Она понимала, что это большой грех — судить, нужна тебе жизнь или нет. Раз родился — живи! Но… Жизнь последнее время лишь изредка, как скупое осеннее солнышко, согревала теплом. Она знала, что мать не хотела её рожать и родила только потому, что, по своему обыкновению, опоздала с абортом и ни один врач не захотел брать грех на душу. Нежеланный ребёнок обыкновенно несчастен в жизни, потому что ещё в утробе матери он уже нежеланен. Ему не говорят ласковых слов, его не гладят, когда он, уютно свернувшись в клубочек, ждёт своего выхода в жизнь. А человечек уже всё слышит и понимает.

Женя переболела всеми детскими болезнями, которые подкарауливают ребёнка за каждым углом. Она помнила тоску в материных глазах, когда они мотались по очередям в больницах, сдавая мыслимые и немыслимые анализы и высиживая на приёмы к разным врачам. Каждый из них обязательно находил что-то своё в истерзанном Женькином организме, выписывал лекарства, которых, как правило, не было в аптеках. Мать была вынуждена унизительно клянчить у своих знакомых, чтобы они доставали эти проклятые лекарства.

Только начиная осмысливать жизнь, Женька уже ненавидела себя за своё существование

в качестве нагрузки для матери и тех равнодушных людей, с коими ей приходилось общаться. Её убивали пустые глаза и вечно холодные руки участкового врача, санитарок в больнице, которые больно ставили укол, совершенно безучастно втыкая иголки. Мать не ругала её, не укоряла за постоянные болезни. Она так же равнодушно, как и те сонные санитарки, присутствовала в её жизни, не давая тепла. Взгляд её тоже был тусклый, как зимнее солнце.

Женя периодически впадала в сомнамбулическое состояние полуживого человека, иногда взрываясь приступами истерики, совершенно беспочвенными и бессмысленными. Мать уже поговаривала отдать её в психиатричку, но сердобольные соседки отговорили, вероятно, понимая, что это будет окончательный приговор для девочки. Умные тётки на вечной скамейке у крыльца понимали, что для женщины есть ещё один шанс, возрастной. Шанс перерождения девочки в женщину. И этот шанс сработал.

Женя, совершенно не подозревая о том, что природа приготовила ей приятный сюрприз, узнала об этом на выпускном вечере, когда одноклассник вдруг осыпал её жаркими поцелуями. Её, Женьку,— и целуют! Это было поразительным открытием. Других девчонок уже давно тискали по тёмным углам, и они с жаром и придыханием рассказывали об этом своим подружкам. Женя страшно завидовала им. И вот пришёл и её черёд. И не абы кто, не заваляющий и сопливый пацан. Сам Володя Доронин, от которого девчонки тихо пи́сали кипятком. Придя наутро после традиционных шатаний по улицам, Женя всё забыла, что происходило на выпускном. Всё, кроме Володиных поцелуев.

Пока мать была на работе, Женя сняла с себя одежду и долго стояла перед зеркалом. Из глубины зазеркалья на неё глядело другое, совершенно не похожее на вчерашнее, симпатичное и стройное существо. И самое главное, у той девицы был уверенный, даже чуть нахальный взгляд женщины, знающей себе цену. Володины поцелуи совершили чудо. Родился новый человек! Человек, понимающий, что он личность! Женщина родилась!

Мать через некоторое время заметила перемены в дочери и не удивилась. Она сама в своё время пережила превращение мерзкой гусеницы в яркую бабочку. Женя без труда поступила в институт и сразу ушла в общежитие. Одним махом обрубила все концы. На четвёртом курсе появился Андрей, замужество, первый ребёнок. Но после рождения второго сына всё рухнуло. Рухнуло, как долго висевшая над пропастью лавина. Всё, что уснуло на короткое время расцвета, вновь проснулось, но в виде ещё более ужасном.

Евгения ненавидела утро. Ночью, забываясь сном, она уходила в свой, только ей принадлежавший мир. Зыбкость ощущений, их мимолётность и нереальность создавали в сознании хоть что-то близкое к тому наполнению, которое позволяло терпеть себя. Утро, врываясь грубыми реалиями шума, солнца, разговорами быта, теплом или холодом, безжалостно разрушало с трудом построенную за ночь защитную оболочку. Зачем всё это? «Всё это» раздражает, заставляет чувствовать обнажённой кожей колючий внешний мир.

Евгения давно уже нигде не работала и все навыки программиста утратила, надо сказать, без сожаления. От компьютера её воротило, как от источника мерзости. Подлая железяка, холодная, расчётливая и жестокая своей правильностью. Ей всё равно, кто заставляет её думать, принимать решения и делать выводы. Она равнодушна! Она равнодушна, как и всё окружающее.

Евгения долго и бессмысленно глядела в окно. Жизнь там, за стеклом, текла медленно и беспощадно-последовательно. Вчера, позавчера, сто и тысячу лет назад. Ничего в мире не меняется. Идут куда-то люди, бесшумно катят машины. Евгения включила чайник, бросила в пустой и холодный заварник щепоть чая. Замерла и долго стояла, подперев пальцем щёку. Евгения молчала уже больше двух недель. Молчание было своеобразным методом общения, когда не хотелось общаться. Методом, позаимствованным у полупроводников. Это когда поток чего-либо идёт только в одну сторону. Она слушала, смотрела, иногда кивала головой, соглашаясь или не соглашаясь, но сама при этом молчала. Так было проще. Общение ни к чему не обязывало, и можно было, когда это необходимо, уходить в глухую защиту. Андрей хотя и с трудом, но со временем принял этот метод и в длительные периоды депрессии считал его компромиссным. Последняя ссора по поводу поездки в дальний огород была столь бурной, что необходимость передышки была просто обязательна. Андрей до минимума сократил всякие контакты с женой и отдыхал, пытаясь восстановить внутренний баланс, хотя, надо было признать, получалось это с большим трудом. Перспектив на ближайшее будущее практически не просматривалось. Вариантов просвечивало не более двух: Евгению надо серьёзно лечить или… Или… Что было вторым «или», не хотелось думать. Возраст уже более чем, и ломать что-то в этот период жизни просто опасно.

В трубке долго молчало и сопело.

— Алё… алё, я слушаю. Кто это?.. Алё.

— Я это.

— Кто «я»?.. Андрей Николаевич? Вы?

— Угадала, «мы». Не ждали моего звонка?

— Как вам сказать…

— Честно.

— Если честно… думала. Думала, позвоните или нет.

— И к чему больше склонялись?

— Скорее, что «нет».
— А я — скорее, что «да».
— Сомнения долго грызли душу, прежде чем позвонить?
— Не без этого. Груз жизненного опыта обязывает.
— До истощения не дошло?
— Да что вы! Берегу себя. Домой собираетесь?
— А вы что, хотите меня подвезти?
— Хочу.
— Вообще-то собираюсь.
— А что так неопределённо?
— Не хочу быть вам обязанной. На автобусе проще.
— Очень жаль. Я сегодня вечером еду в дальний огород, могу подбросить. Мне вы ничем не будете обязаны.
— Хорошо… Я согласна. Как это всё будет выглядеть?
— Как в кино про шпионов. Вы сделаете вид, что идёте в баню, об этом будет говорить веник под мышкой. А я подойду и спрошу у вас, как пройти на Елисейские поля. Это будет являться паролем.
— Вам бы детективы писать.
— Я бы сейчас с удовольствием некролог написал. О себе.
— Шутки, однако…
— А я и не шучу. Это моё нынешнее состояние.
— Так плохо?
— Хуже некуда. В шесть вы будете дома?
— Буду.
— Жду вас у подъезда.
— Хорошо.

Когда Андрей Николаевич включил поворот, чтобы свернуть с дороги, то увидел стоящую на обочине Наталью. Выключив поворот, остановился напротив. Наталья быстро села на заднее сиденье.
— Вы и правда как в кино. Следы заметаете? А где ж тогда веник?
— Вы хотите, чтобы завтра бабушки у подъезда ехидно спрашивали, кто это меня подвозит? Не надо. А почему вы не спрашиваете, как пройти на Елисейские поля?
— А я и так знаю. Как зайдёшь, так и наискосок. Ну, как ваши шрамы? Сотрудники поверили, что они от гранатомёта?
— Настоящие герои обычно бывают скромными. Я скрыла свою доблесть.
— Зря. В газетке бы пропечатали.
— Фельетон о неуклюжих милиционерах.
— Вы занижаете свои достоинства. Очень даже уклюжий милиционер.
— «Уклюжий» — это как понимать?
— А как хотите. Красивый милиционер!
— Ой, не надо, Андрей Николаевич, смущать девушку. И вообще, созвучие «красивый милиционер» звучит нелепо.
— Но по сути.
— Вы на дорогу смотрите.
— Смотрю…
— А что, завтра апокалипсис ожидают?
— Не понял!
— У вас вид, говорю, такой, будто завтра конец света.
— А… Да нет. Я не верю в конец света в ближайшую тысячу-другую лет. Конец света может в душе наступить. Это пострашней.
— И в вашей душе…
— В моей душе — как в мусорном контейнере. Чего там только нет. Но всё дрянь. Жемчужных зёрен… увы.
— Если бы ещё и женщины были такими пессимистами — мир бы давно рухнул.
— Вы-то, конечно, оптимистка?
— Я — жизнерадостный рахит. Жизнерадостного рахита можно назвать оптимистом?
Андрей Николаевич рассмеялся.
— Представил себе рахитика: синюшный, ноги тонкие, кривые, башка здоровая — но улыбается, зараза! Извините, вы, конечно, не такая.
— Спасибо. Внешне. А внутри так оно и есть, как вы описали: синюшная… и всё такое. Но… пытаюсь улыбаться.
— А зачем пытаться, если не хочется?
— Жить разучишься. Вернее, радоваться жизни. Раз Бог дал жизнь — живи её качественно.
— Ну что, жизнерадостный… До дома вас везти или на тракте высадить? Для гарантии ненужных вопросов.
— Да уж везите до дома. В деревне люди добрее. Вопросы если и задают, то без подсмысла.
— Ну ладно, посмотрим, какие люди у вас в деревне.

Улицы Зубовки были пустынны и скучны, и редким старушкам, сидящим на скамеечках у ворот, не было никакого дела, кто, кого, куда и зачем везёт. По крайней мере, так казалось. Наталья показала на ворота, потемневшие от времени, и Андрей, аккуратно повернув, остановился на зелёной лужайке перед домом. Палисадник с неизменными кустами сирени почти затемнял небольшой, но по виду ещё крепкий дом. Наталья покрутила ручку калитки, постучала ею, но никто во дворе не откликнулся и калитка не отворилась.
— На огороде, наверное, — Наталья поставила сумку на скамейку, встала на край её и перешагнула на забор штакетника.
— Осторожно, вы опять навернётесь. Ваши раны ещё не зажили, — Андрей подошёл ближе. — Ну куда вас опять понесло?
— Андрей Николаевич, вы, пожалуйста, отвернитесь, а я перемахну через забор. Так мы можем здесь полдня простоять.
— Давайте я.
— Давайте. А там вас наш Джек встретит. Отвернитесь…

— Да пожалуйста.

Андрей демонстративно отвернулся, но через пару секунд не выдержал, повернул голову и наткнулся на взгляд Натальи. Укоризненно покачав головой, она перемахнула через забор, мелькнув стройной оголённой ногой перед самым носом Андрея.

— Держитесь… Лечи вас потом.

«Вот гимнастка». Андрей взял со скамейки сумку и пошёл к калитке. Внутри брякнул засов, но калитка не открылась.

— Вы там живы?

— Жива, жива. Что со мной сделается? — Наталья распахнула калитку. — Входите, я Джека привязывала. Какой вы неслух, однако. Я же просила вас отвернуться.

— Рисковая вы женщина, Наташа. Хотел подстраховать.

— Я через этот забор уже сто раз перелазила…

Под навесом стукнула калитка, и во двор вошла пожилая женщина, вытирая руки тряпкой.

— Это кто у нас тут хозяйничает? Привет, дочурка. Опять через заплот перемахнула?

— Опять… Вас разве докричишься?

— Проходите в избу.

Испытующе задержалась на Андрее. Наталья перехватила её взгляд.

— Это Андрей Николаевич, мой знакомый. Ехал на дачу в Веснянку, меня и подбросил. А это моя мама, Галина Михайловна.

— Андрей Николаевич, квасочку хотите? Из берёзового сока.

— Не откажусь.

— А батя где?

— С Маркушей поехали на птицефабрику, на бройлеров договариваться.

— Делать вам нечего.

Галина Михайловна достала из-под наличника крыльца ключ, отомкнула висячий замок.

— А чем летом заниматься? Бройлера быстро растут.

— А жрут… как крокодилы. Вот и будете всё лето валандаться.

— А что ж сделаешь? Зимой потом с курятинкой в супчике валандаться легче. Проходите.

В доме было прохладно, по всему полу разосланы плетёные самодельные дорожки. В комнате, в углу, стояла икона и горела лампада. Галина Михайловна, взглянув на Андрея, ответила на его немой вопрос:

— Чтобы в доме чище было и в голове ясней.

— Открытый огонь…

— Ни разу не слышала, чтобы от лампады что загорелось. От дури человеческой пожаров больше бывает.

— Да я что?.. Просто давно не видел горящей лампадки, — с минуту глядел на мерцающий огонёк. — А от неё и правда покой исходит.

— Благость для души от неё исходит.

Прошла на кухню, было слышно, как глухо стукнула крынка.

— Проходите сюда, Андрей… забыла, как вас по отчеству.

— Можно просто, без отчества.

Андрей прошёл на кухню, сел за стол. В большой фаянсовой кружке по самую кромку был налит квас. Холодный, приятно кисловатый, он совсем не походил на тот, что продают из бочек.

— Наташ… ты где? — Галина Михайловна выглянула в комнату. — Уметелила, коза, и гостя бросила. Так вы на дачу?

— В огород. Дачи у господ в Барвихе. А у нас огороды. В основном для прожору.

— А вы простой… Из деревни, наверное?

— Конечно. В городе коренных жителей, говорят, не больше двадцати процентов. Все остальные — деревенские. Вот и я деревенский. Институт закончил и остался в городе. А что с моей профессией в деревне делать?

— А чем вы занимаетесь?

— Компьютеры мучаю.

— Ну, что такое компьютеры, я знаю, не так уж дремуча. А вот как вы их мучаете…

— Программист я. Заставляю их работать. А они иногда не хотят. А я их заставляю. Выходит, что мучаю.

— Может, вы их учите?

— А вы насилия совсем не приемлете? — Андрей внимательно посмотрел Галине Васильевне в глаза.

Она спокойно и уверенно ответила ему взглядом.

— Силой даже подковы не гнут. Умом надо. На то и ум человеку дан.

— Ну, что вы тут? Как квасок? — Наталья вошла на кухню в лёгком халатике и белой косынке.

— Первый раз в жизни пью такой квас. Спасибо хозяйке, — Андрей встал. — Пора и честь знать. До свидания, Галина Михайловна, приятно было познакомиться. Искренне говорю, действительно было приятно.

— Спасибо. Заезжайте, квасу ещё целая бочка.

Наталья вышла за ворота проводить гостя. В халатике, по-домашнему, она была дивно как хороша. Андрей прошёлся взглядом по фигуре. «Да… Только вздохнуть и остаётся».

— А ваша мама мне очень понравилась. Скажите, Наташа, а как уживались социалистическая мораль, когда вы в школе учились, и икона?

— Нормально. Мама меру во всём знает. Она никогда не навязывала своё. Просто я твёрдо знала, что существует что-то такое, что я пойму позже, а она меня не торопила. У нас папа всю жизнь коммунистом был, так и он тоже был уверен, что моральный облик строителя коммунизма

из Евангелия переписан. А у вас не было такого подозрения?
— Я уже и забыл, что там, в моральном облике. Да ну его к чёрту. Вы лучше скажите, когда обратно хотите ехать.
— А вот этого не надо. Я, как и мама, тоже меру люблю.
— А я люблю делать, что мне приятно. Мне приятно быть с вами.
— Ого… Андрей Николаевич… Я уже вам говорила. Вы женатый человек, а я через чужую жену перешагивать никогда не буду.
— «Никогда не говори никогда». «Чужая жена» — это моя забота.
— Раз вам приятно со мной, то, выходит, и моя. Езжайте, Андрей Николаевич, не усугубляйте.
— Ладно,— вздохнул.— «Усугублять» не буду…— пошёл к машине.— А позвонить можно?
— Можно,— махнула рукой.— Езжайте, езжайте.

Машина, буксанув на траве, выехала на дорогу. Войдя во двор, Наталья натолкнулась на вопросительный взгляд.
— Мама… ничего не спрашивай. Я его знаю две недели и вижу второй раз. Всё. Это обычный знакомый.
— Обычные знакомые так глазами не липнут.
— Я вижу, что я ему нравлюсь, но это ещё ни о чём не говорит.
— Тебе не говорит. А мне говорит. Он женат?
— Да.
— Ну вот.
— Что «вот»?
— А ничего. Через чужую беду не шагай, на свою наступишь.
— Мама, я что, в чём-то виновата?
— Я тебя не виню — предостерегаю. Бабы, наверное, уже об заборы языки чешут, кто это Наташку привёз,— вздохнула.— Когда уж ты прибьёшься к своему мужику?.. Нам с отцом и внуков надо успеть понянчить.
— Да успеете… Батя, наверное, опять с Маркушей наклюкаются.
— Да и Бог с ними. Они если и выпьют капочку, так только на пользу. Пусть выпьют,— длинно вздохнула.— Ох-хо-хо… Пусть отец отдохнёт, лето ещё длинное, успеет наволохаться.

Максим Иванович действительно клюкнул с другом Маркушей. Всего-то по «мерзавчику», для настроения. Да для путных мужиков это так, только на один зубок. Марк Васильич даже песен не пел. А если он не поёт — значит, не достало до нутра. Максим Иванович вовремя тормознул друга Маркушу, обошлось без песен, и они прибыли по своим домам в добром здравии, хорошей памяти и на крепких ногах.
— Галина, ты где? — Максим Иванович по-хозяйски уверенно встал посреди двора.
— Я за неё,— Наталья вышла из летней кухни.
— А-а… дочурка. Привет! А где мать?
— В магазин пошла.
— А я знал, что ты приехала. Это кто же тебя привёз?
— Да так, знакомый.
— Бабка Васневых сказала, что гарный хлопец тебя притартал.
— Васневская бабушка сослепу в свою калитку-то с третьего раза только попадает. Какой там хлопец! А вы никак с Маркушей вмазали-таки по маленькой?
— Истину розумиешь, дочь моя,— Максим Иванович уселся в тенёчек, под крышу сараюшки.— Вмазали трошки, шоб цыпачки здоровее были. В прошлом годе мы с матерью ездили заказывать, сама понимаешь, всё прошло посуху, ну и что? — подняв скрюченный палец, сам себе и ответил:— Пять курят издохло. Потому как не обмыто было. Это ж народная мудрость. Понимать надо. Обмывка придумана не на баловство хозяину. Это прямая дорога новоприобретённому имуществу и оберег, так сказать. От сглазу и нечистой силы.
— Что-то ты, папка, сегодня разговорился. Иди лучше приляг в прохладке, полежи.
— И то правда. Намаялись сегодня с Маркушкой на жаре.

Вечером, подремав пару часов на диване, Максим Иванович хлебал на кухне холодную окрошку. Заправленная добротной домашней сметаной, окрошка стыло поблёскивала в тарелке. Галина Михайловна готовила мешанку корове.
— А кто это сегодня Наталку привёз? Бабка Васневка тренькала, что гарный хлопец.
— Ну, от хлопца он уже далеко ушёл. Лет около сорока тому «хлопцу»,— Галина Михайловна сполоснула руки под умывальником и утёрла их фартуком.— А вот кто он Наталье, не знаю. Говорит, просто знакомый. «Просто знакомые» так не смотрят. Зенками лупал — как ел. Симпатичный мужик, ничего не скажешь, но что-то у него на душе неладно. Взгляд тоскливый, как у бездомной собаки.
— Ну, всё-то ты знаешь,— Максим Иванович с шумом выхлебал последнюю ложку.— Хороша окрошка. Можа, просто с похмелья мужик. Я когда с похмелья, какой у меня взгляд?
— Мутный. А у этого черти в глазах вешаются. Вроде пытается улыбаться, а глаза стонут.
— Э-э-э… Тебе бы вирши писать. Наташ… Наталья!
— Ты не брякай ей про мужика-то. А то начнёшь сейчас: ля-ля да ля-ля.
— Ладно. Наташ…

Наталья вошла с веранды.
— Чего, пап?
— А твой этот знакомый… это…

— Максим…
— Да ладно тебе,— отмахнулся.— Он, это… Он в машинах разбирается?
— Не знаю. Наверное, разбирается, раз своя есть. А чего?
— А пусть бы он нашу поглядел. Может, она ещё и годна. Я в ней ну ни бельмеса не соображаю.
— Неудобно. Что ему, больше и делать нечего?
— А ты его спроси. От знакомых иногда и польза есть. Наладит, вот и будешь сама ездить.
— Ну вот! Зря ты сегодня с Маркушей приложился! Ты на что дочку настраиваешь? Сам боится ездить, а дитё суёт. Не слушай его, Наташка. Ну её к чёрту, эту машину. Нас с отцом чуть не угробили, и ты хочешь? Максим… ну чего ты мелешь?
— Мама, да я ничего ещё и не хочу, что ты расшумелась? Хотя, в принципе, мысль дельная. В городе сейчас очень много женщин ездит. И автостоянка у меня около дома. Папа, я подумаю над твоим предложением.
— Я вам обоим подумаю. Сейчас вот возьму веник и обоим по головам «подумаю».
— Охолони, Галочка. В гневе ты страшна. Иди, доченька, иди.

Машина, о которой шла речь, уже давно стоит в сарае. «Жигуль», «семёрка», или «Семён», как его звал хозяин, пятнадцатилетней старости, досталась отцу за рекордный намолот зерна под самый занавес борьбы за светлое будущее всего советского народа. Максим Иванович, вечный механизатор, такую махонькую машину после «Кировца» или комбайна считал за баловство и ездил от случая к случаю. Да и где в деревне на машине раскатывать? Всё под рукой. В тот памятный день Галина Михайловна с трудом уговорила его скатать в город, походить по магазинам. Походили, называется… При выезде, на кольцевой развязке, лихой придурок на иномарке подрезал его так, что с визгом тормозов они вылетели на обочину, и только чудо спасло их от лобового удара в бетонное ограждение. Кое-как, с трясущимися руками, доехав до дома, Максим Иванович загнал машину в сарай и, войдя в дом, закинул ключи за шкаф. «Хай ей грець»,— только и сказал, вспомнив ридну украиньску мову. Больше за руль своего «Семёна» он не садился. Наталья в институте сдала на права и даже немного успела поездить под отцовским присмотром. Но после того как машину поставили на мёртвый якорь, езда закончилась. И вот отец, выпутываясь из сложной ситуации, куда сам себя и загнал, нечаянно подсказал дельную мысль. И правда, а почему бы не ездить?

В воскресенье, часов около трёх, коротко посигналив, на лужайку у ворот въехал синий «жигулёнок» Андрея. Через пару минут из калитки вышла Наталья, покачала головой и, пройдя к палисаднику, села на скамейку. Андрей Николаевич, смущённо улыбаясь, вышел из машины, встал, облокотившись о крышу.
— А вы настырный.
— Вот такой я,— Андрей захлопнул дверку и тоже пошёл к скамейке.— Вам неприятно, что я приехал?
— Вы меня компрометируете в глазах общественности. Бабушка Васневка уже говорила отцу, что его Наталку гарный хлопец привёз. Насчёт «хлопца» — это она сослепу, так что не обольщайтесь.
— А насчёт «гарного»?
— Это дело вкуса. Бабушке Васневке вы нравитесь.
— А вам?
— Я вас вижу третий раз. Вы не форсируете события?
— Наталья, не надо. Я смею надеяться, что я вам небезразличен.
— Даже если и так, то что из этого следует?
— Пока ничего. Раз я снова здесь, значит, вы мне тоже симпатичны.
— А вас не волнует, как со стороны будут выглядеть наши отношения, если вы будете так часто приезжать сюда? — Наталья помолчала, покусывая травинку.— Да и вообще…
— Ну, если вообще… Не знаю.
— А я знаю. Просто люди скажут, что я стерва, отбивающая чужого мужика. Я не хочу быть в глазах людей стервой.
— А что, между нами что-то было, дающее им право так говорить? Мне интересно с вами, вот и всё.
— А с женой вам не интересно?
— Нет. С женой мне уже давно не интересно.
— Она гадкая женщина, и она вам изменяет с первым встречным?
— Она больной человек.
— Тем более.
— Она психически больной человек.
— Я изучала в институте судебную психиатрию. По мнению психиатров, абсолютно здоровых людей практически почти нет. У основного большинства что-нибудь да не в порядке с головой.
— Не надо. Там всё не так. Это долгая история. Как-нибудь…

Стукнула калитка. Вышел Максим Иванович и неторопливо двинулся к скамейке.
— Так это и есть твой новый знакомый «хлопец»? — Подошёл, протянул руку: — Максим Иванович.
— Андрей… Николаевич.
— Андрей, слушай, а ты в «Жигулях» разбираешься? Это ничего, что я на «ты» и без отчества?
— Нормально. Я к этому равнодушен. В «жиге» немного разбираюсь. А что?
— У нас в сарае «жигуль» стоит. Давно уже. Ты знаешь, с меня ездок — шо с дерьма пуля. Там всё такэ маненько, шо я просто боюсь его ковырять. Вот если бы «Кировец» — да! О то ж машина. Может, поглядишь? А? Наталка бы и ездила на ней. А то мотается девка на попутках.

— У вас что, и права есть? — Андрей, удивлённый простецким натиском Максима Ивановича, посмотрел на Наталью.
— Та у неё всё есть. Она даже немного ездила, а потом меня один пёс… — Максим Иванович плюнул с досады. — Шоб ему, гаду, пусто было. Напугал, в общем. Я с испугу этого «жигуля» в сарай и заховал. Шоб, как говорится, от греха подальше. Вот и стоит без дела.
— Да какой разговор! Идём глядеть?
— Идём.

Войдя во двор, все натолкнулись на укоризненный взгляд Галины Васильевны. Она, конечно, слышала весь разговор на скамейке, ей это, конечно, всё не нравилось, и она смотрела строго.
— Здравствуйте, Галина Михайловна.
— Здравствуйте, Андрей. Эти авантюристы втягивают вас в нехорошее дело.
— Не пыли, мать. Всё будет нормально… если она, конечно, поедет.

Оттянув скрипучие створки двери сарая, Иван Максимович почесал затылок. Под слоем пыли даже цвет машины просматривался с трудом.
— Да… Застоялась карета. Ну, чего? Может, выкатим её во двор?
— Давайте, — Андрей открыл дверку, осторожно, чтобы не измазаться в пыли, отпустил ручник и выключил скорость. — Ну что, потянем?

Машину вытянули, и она, качнувшись, замерла посреди двора.
— Андрей, может, тебе шабур какой дать, а то уделаешься весь?
— Давайте.

Максим Иванович порылся на летней кухне и принёс старый халат Галины Васильевны.
— Это ничего, что женский?
— Максим, ну ты совсем сдурел, — Галина Михайловна попыталась отобрать халат. — Ты бы ещё чего моё принёс мужику.
— Да ладно, Галина Михайловна. Пойдёт.

Андрей натянул халат поверх одежды, подвязался пояском. Наталья прыснула со смеху.
— Да… видок. Серьёзный человек… программист. Хотите, сфотографирую?
— Наташка, Максим, ну что вы, ей-богу? Андрей, снимайте!
— Да ладно…

Оглядев себя и смущённо улыбнувшись, Андрей поправил полы халата и полез в мотор. Посмотрел масло, надел клемму аккумулятора, подкачал бензонасос, открыл крышку трамблёра. Всё вроде нормально. Повернул ключ зажигания. Аккумулятор, вяло мотнув пару раз, замычал. Андрей, посмотрев на Максима Ивановича, развёл руками. Тот понимающе чмокнул губами.
— Бобик сдох.
— Давайте от моего «прикурим».
— Давай. Заезжай во двор.

Прикуренный двигатель, пофыркав для приличия, завёлся и тихо заурчал на малых оборотах.
— Ну вот, ожила ваша карета, Наталья Максимовна. Грязь отмоете и можете форсить. Не знаю, как движок, но с виду машина ещё очень даже… вполне. Только аккумулятор.
— Спасибо, Андрей Николаевич. Сколько вам за работу?
— Бокальчик маминого кваса. Если можно, с горкой.
— Хоть три. Можете и халат её взять в качестве презента. На работе будете ходить.
— Язык у тебя, Наталья, — хоть брейся. Снимайте халат, Андрей, пойдёмте, я вас накормлю, — Галина Михайловна отодвинула Наталью, пытаясь помочь Андрею стянуть свой халат.
— А вы знаете, я не откажусь. У вас на кухне так уютно, я думаю, и готовите вы вкусно. Максим Иванович, машину так оставим или загнать?
— Да куда там загонять? — Максим Иванович замахал руками. — Перемажетесь весь. Наталка отмоет, тогда и загоню. Ездить я ещё не разучился. Идите, отобедайте.

Пока Андрей мыл руки, Наталья принесла ему свежее полотенце. Наклонилась к уху:
— Ох и жук вы, Андрей Николаевич. Втираетесь в доверие?
— Пытаюсь оставить хорошее впечатление.
— Ну-ну… Моя мамуля ситуацию насквозь видит, и у неё своё мнение по этому поводу. И я знаю, что достаточно резкое.
— Поглядим…
— Поглядим.

Все расселись за столом на просторной веранде, хозяйка принесла чугунок с томлёными в русской печи щами, разлила по тарелкам. Максим Иванович вопросительно и красноречиво взглянул долгим взглядом на жену.
— Андрею нельзя, он за рулём, а тебе и вчерашнего хватит.

Андрей, взглянув на разочарованную физиономию Максима Ивановича, засмеялся:
— Мне немного можно.
— А машина?
— Начальник гибэдэдэшного информцентра — мой хороший товарищ. А значит…
— А значит, Галочка, неси графинчик, — Максим Иванович азартно потёр руки. — За знаком-ство.
— Ну, смотрите, Андрей, дело ваше, — Галина Михайловна пошла в комнату и вернулась с графинчиком. — Смородинная наливка. Разливай Максим, только себе не ошибись.
— А то всегда в таких случаях выходит «ух ты», — Максим Иванович раскатисто захохотал. — Не боись, Галочка. Рука тверда, и глаз наш зорок!

Пока Наталья с матерью собирали сумки, Максим Иванович и Андрей вышли за ворота, на скамейку. Максим Иванович закурил.

— Хороший, я гляжу, ты мужик, Андрей. Простой, не заковыристый. Ты мне вот что скажи. Ты чего коло моей Наталки круги крутишь? Ты не обижайся на вопрос. Как мужик я тебя, может, и пойму, а вот как отец — нет.

— Я не обижаюсь. Я сам отец. Правда, у меня парни. Старший уже живёт своей семьёй, а младший учится в институте. Непросто ответить на ваш вопрос, Максим Иванович. В семье у меня сложно, в голове сложно, и вообще в жизни всё сложно.

— А когда было просто? Честно говоря, мне не хочется, шоб Наталка влезала в твои сложности. Ты сначала с ними разберись, а уж потом…

— А потом?..

— А потом пусть сама глядит. Она девица взрослая, тем более уже следователь, думаю, у неё ума хватит разобраться, что к чему.

По всему было видно, что настроение у Натальи плохое, и без разговоров проехали минут двадцать. Андрей, поглядывая в зеркало, видел её сердитые глаза, плотно сжатые губы и с разговорами не лез. Наталья, отвернувшись к окну, молча смотрела на мелькавшие вдоль дороги кусты, поля с зазеленевшей картофельной ботвой. Кое-где извилистыми линиями уже улеглись валки скошенной травы. Лето на самом взгорке. Быстро пролетает сибирское лето. Не успеешь оглянуться — вот уже и листья зажелтеют. Что за разговор был у Натальи с матерью — остаётся только догадываться. Похоже, что разговор не из простых. Андрей, взглянув ещё раз в зеркало, не утерпел:

— Наташа… Вы песню Шуфутинского о старом закройщике помните?

— Ну и что?

— Там слова есть… «Как сказал один еврей, так всё проходит…»

— Ну и что?

— И это пройдёт.

— Вот видите, вы уже меня «Наташа» называете. Андрей Николаевич, давайте прекратим всё это. Я вас прошу. У меня с мамой был очень нехороший разговор. Я не хочу быть стервой. Я не хочу, чтобы меня проклинали ваша жена и ваши дети. Честное слово, я этого не заслуживаю. Не приходите больше!

— Хорошо… Наташа. Обещаю вам, что пока я не урегулирую свои семейные вопросы, я к вам не приду. Но звонить буду, это я оставляю за собой.

— Знаете что! Не диктуйте своих условий! Я вам ничего не должна!

— Наташа, не надо. Конечно, вы мне совершенно ничего не должны, конечно, я не прав. Простите… И всё-таки можно я иногда вам буду звонить?

— Можно… но не нужно!

— Мне нужно. Вы для меня сегодня отдушина. Если вы закроете и этот кислород… В общем, мне будет совсем хана.

— Не жалобите. Вы поняли, что я совершенно безвольная и жалостливая, и уже пользуетесь этим.

— Да ничем я не пользуюсь… — Андрей вздохнул. — Всё, чем я хотел попользоваться в этой жизни, другие разобрали.

— Что же у вас забрали другие? И кто они, эти злыдни?

— Не знаю. Да не злыдни они. Наверное, по судьбе так, всё другим разошлось. Семейный уют забрали, тепло души. Любовь забрали! Этого мало?!

— Ну что вы на меня злитесь? Не хочу я ворованного счастья. Как вы не поймёте — оно добра не приносит.

— И что вы мне советуете?

— Вот уж тут я вам не советчик. Меня отец ещё в молодости остерегал давать в таких случаях советы. Такому советчику — первый кнут. Сами разбирайтесь.

Андрей резко затормозил, прижал машину к обочине. Повернулся к Наталье.

— Наташа, мне так уютно с вами. Может, вы и есть та моя половинка, которую Бог даёт каждому счастливому человеку. Я это почувствовал, когда прикладывал к вашей ступне подорожник, там, на озере. У меня возникло такое острое ощущение нежности к этой ступне с царапиной. Удивительное чувство… Вы знаете… — Андрей помолчал, жёстко помял подбородок. — Я тогда очень удивился этому. Я такого никогда не испытывал, даже когда дети были маленькие. Я не знаю, как это объяснить.

— Не надо ничего объяснять. Андрей… Николаевич, всё это слишком бурно. Давайте подождём. Возможно, всё уляжется и превратится в обычную дорожную встречу. Я вас очень прошу. Вы сейчас меня довезёте, и мы постараемся всё забыть. Договорились?

— Хорошо, — Андрей тихо тронулся, отъезжая от обочины. — Хорошо… так будет разумнее. Хотя, я думаю, мало что изменит — по крайней мере, с моей стороны.

— Ну что вы, право, как мальчишка?

— Возраст у меня такой… с ума сходить.

— Ай-я-яй… Компьютерщик, программист — и такие сантименты.

— Вот такой я…

В четверг в отделе отмечали уход на пенсию капитана Мицневича. Семён Семёныч, в сером гражданском пиджачке и клетчатой рубахе, сидел, ошарашенный неожиданностью происшедшего, потоком хороших слов о себе и выпитым почти без закуски стаканом тёплой водки. Его лучшие друзья, опера́, подарили ему «именное оружие пенсионера-мента» — кобуру с вставленными в неё

шкаликом водки и огурцом. Стесняясь неумения произносить поздравительные речи, они говорили, что метод поиска доказательной базы Семён Семёныча — это новое слово в следовательском ремесле и его надо изучать во всех ментовских школах, что его чутьё научно объяснить невозможно и что таких душевных следователей, скорей всего, больше в отделе не будет. Начальник отдела кадров майор Бахалов, войдя в кабинет для поздравлений, прежде всего позвонил дежурному и приказал шуганутъ всех посетителей от дверей отдела, чтобы не галдели там и не портили торжественность его речи, и только потом зачитал приказ со словами благодарности за верную службу. Отложив приказ в сторону и пытаясь придать лицу мягкость и демократичность, добавил своими словами, что без Мицневича отделу будет плохо.

— Мóлодежь, — он сделал ударение на первом «о», — ещё не прониклась.

При этом поднял указательный палец вверх и внимательно поглядел на него. Опера́ тоже подняли глаза вверх и, ничего там не увидев, разом загоготали.

— Вот и я об этом! Не прониклись.

Так и не сказав, чем «не прониклись», Бахалов вновь сделал лицо казённым и демонстративно двинулся к двери. Публика провожала его разочарованными глазами. Взявшись за дверную ручку, майор оглянулся и, оглядев сидящих с постными лицами, сделал вид, что забыл какую-то мелочь.

— Да, извини, Семён Семёныч, забыл тут один пустячок, — майор вернулся к столу, долго шарился за пазухой кителя и вдруг резким движением, словно двумя тузами, шлёпнул о стол майорскими погонами. — С майором тебя, Семён!

Толпа дико взревела от восторга. Не зря предусмотрительный Бахалов разогнал публику от кабинета. Кого-нибудь точно бы кондрашка хватила. Все бросились поздравлять Мицневича, поднялся гвалт, и кадровик хотел под шумок улизнуть, но от наших оперов сложно сбежать. Майора отловили и налили гранёный стакан вровень с краями.

— Ребята, да вы что, сдурели? Я такими дозами уже лет десять не пил.

— Обижаешь, Михаил Евграфович, — Мицневич, с погонами в руках, стоял растерянный и смущённый до слёз. — Выпей уж, не обижай…

— А… ладно! За тебя, Семён, и пьяным с лестницы свалиться не стыдно, поймут важность момента.

Взял у Мицневича погоны, положил их на плечи клетчатого пиджака, пальцем брызнул водкой на каждый погон.

— Давай, Семён Семёныч, майорствуй. На все наши праздники приходи в форме. За тебя!

Бахалов мужественно выпил полный стакан, зажмурив глаза, помахал руками и, закусив наскоро, заторопился.

— Ну, всё, Семён, я пошёл. Пока не окосел, успею до кабинета добежать, а уж там пересижу. Давай отдыхай… пенсионер.

Начальник следственного отдела подполковник Смагин подошёл к Наталье, тихо тронул её за плечо и показал глазами на дверь. Когда Наталья вышла, он уже стоял у раскрытой двери своего кабинета. Наталья зашла, присела на крайний стул.

— Вот что, Наталья Максимовна, — Смагин помолчал, пожевал губами.

Он вообще никогда и никуда не торопился. Говорил медленно, думал тоже медленно, основательно. Когда был ещё молодым лейтенантом, его звали «мороженый».

— Бахалов чиновник опытный, и он сразу усёк обстановку в отделе. Много ещё «не проникнувшихся». Ты, я считаю, «проникнувшаяся». Так вот… — он замер секунд на пять. — К нам после юрфака приходит парнишка, бери его на стажировку. Приглядывайся к его способностям, учи всем премудростям, натаскивай, ставь ему нюх. Своей добросовестностью и тщательностью ты мне здорово напоминаешь Мицневича. Скорей всего, это результат его школы. Учи парнишку всему, что знаешь. За него с тебя спрос. Всё ясно?

— Ясно.

— Ну вот и молодец. Расширяй плечи под капитанские погоны. Свободна. Да… Вот ещё что, погодь минутку, — порылся на столе, вытащил из общей стопки тонкую папочку. — Дело тут одно завели, по факту самоубийства. Дежурный следователь недостаточно плотно поработал, и, на мой взгляд, тут здорово пахнет керосином. Ни с того ни с сего приличный мужик, как говорят, «без особых окружающих проблем», компьютерщик, умный, значит, и вдруг сигает в окно с седьмого этажа. Вроде как жена его что-то допекла, вроде как не совсем нормальная была, и он решил расстаться с ней таким образом…

Наталья почувствовала, как пальцы мелко и противно начали дрожать. «А как у Андрея фамилия?.. Я даже не знаю его фамилии… Господи, только не он… Да не он, конечно, не он…»

— Бери дело на себя, ознакомишься — приходи, помаракуем. Слушай… Чего-то ты неважно выглядишь. Бледная… Наталья Максимовна, слышь, что говорю?

Наталья медленно потянула по столу к себе папочку и, взглянув со страхом на корочку, облегчённо вздохнула. «Промахов Борис Петрович».

— Слышу я, Михаил Васильич, слышу. Давайте, я разберусь… Постараюсь разобраться. А где вам тут керосином пахнет?

— А ты описание места происшествия внимательно почитай. По своей практике знаю, что когда человечек на такое серьёзное дело решается, — Смагин пальцем продемонстрировал траекторию полёта потерпевшего, — он почти всегда

пытается за собой порядок оставить. Как правило, всё бывает прибрано. А тут по расположению вещей складывается предположение, что перед тем барахтались людишки, а уж потом кое-как, на скорую руку, пытались навести порядок,—Смагин на пару секунд затих в своих мыслях, но на этот раз вынырнул быстрей, чем обычно.—Домашний тапочек чего-то под диваном оказался. Заметь, не старый какой, завалящий и запылённый,—свеженький тапочек. А его родной брат в коридоре стоит, на месте. Значит, после шухера тапок в коридор пристроили, а пару ему не нашли, скорее всего, некогда было. У шторы на окне, опять же, два крючка оторваны, штора провисшая… Шпана эта, что по дури на мокруху прёт, обычно на мелочи внимания не обращает. Не уважает нас, мелкота поганая. На том и горит. Ты почитай внимательно, есть там ещё нюансики, есть. Мне предполагается, что помогли ему этот последний полёт совершить. Помогли… Так бы оно всё ничего, таких летунов сейчас много развелось. Неустроенность, безработица, ну и прочая социальная напряжёнка. Вот люди иногда и сигают в окошки. Всё дело в том, что родственничек его один мне не очень нравится. Сиделый родственничек. Шурин его, брат жены, значит. Это я уже сам по его родне прошёлся.

— А чего пострадавший этому сиделому поперёк стал?

— Всё просто, как лопата: квартиры сейчас в цене, у его жены с головой точно не в порядке, там справочка есть. Выходит, что этому родственничку муж сестры, Промахов, который «пострадавший», сильно в тягость был. Вот такой расклад.

— Хороший расклад. Промахова в могилку, сестру в дурдом, а квартиру… А он там прописан?

— Вот ты всё и узнай. Иди, Наталья, работай. Пацанок придёт—не пугай его сразу всякими мудростями, пусть осмотрится.

— Да сейчас такая молодёжь, их как раз напугаешь.

— А ты уже и не молодёжь? Рано состарилась.

На следующий день Наталья запланировала сходить в психушку. Очень уж хотелось поговорить с женой пострадавшего. Участковый доложил, что её туда упёрли сразу, как был обнаружен разбившийся Промахов. И ещё он сказал, что её брат, Чмаров Виктор Сергеевич, прописан в квартире, где ответственным квартиросъёмщиком считается уже покойный Промахов, ещё месяц назад, по заявлению хозяина квартиры, то есть всё того же несчастного Промахова. С утра Наталья разгребла в кабинете остатки вчерашнего пиршества, открыла все окна, чтобы хоть как-то выветрить табачный дух и запахи мужской крепко гуляющей компании. В дверь постучали, и вошёл парень. Джинсы, куртка, стрижка короткая.

— Наталья Максимовна?

— Слушаю вас.

— Меня к вам направили. Я Андрей Павловский. «Господи, ещё один Андрей».

— Проходите, Андрей, садитесь вот сюда. Это будет ваше рабочее место. Чаю хотите?

— Хочу. Можно, я за пряниками сбегаю?

— Сбегайте. Только я пряники не ем.

— Фигуру бережёте?

— Как вам сказать. И фигуру тоже.

— Зря. Фигура у вас что надо.

— Шустрый вы парнишка, Андрей. Когда это вы всё успели увидеть?

— А я утром за вами шёл и про себя отметил все плюсы вашей фигуры.

— Говорила я Смагину, что наша молодёжь борзая.

— Это не борзота. Борзоту вы ещё не видели.

— Интересное дело. Так кто кого учить будет, вы меня или я вас?

— Вы меня. Я очень любознательный. В школе посещал кружок «Хочу всё знать». Мало что любознательный, так я ещё и очень скромный.

— Да? Интересно, и в чём это выражается? Я вот не заметила.

— Я скромно прошу вас обращаться ко мне на «ты».

— Ладно, скромник, идите… иди за своими пряниками. Чаю попьём, и я тебя в психушку свожу.

— А что, здесь всех в первый день проверяют в психушке?

— Нет. Только тех, кто посещал кружок «Хочу всё знать». Чтобы исключить рецидивы.

Психушка как психушка, Наталья бывала там уже не первый раз и особых волнений при посещении столь специфического учреждения не испытывала. Обычная больница, только на вахте сидит не ветхая бабушка-старушка, а здоровенный мужик, да окна деревянными решётками закрыты.

— Ты первый раз в этом заведении?

— А что, похоже, что я уже здесь лечился?

— Если ты не прекратишь отвечать вопросами на вопрос, я буду применять специальные меры перевоспитания. Усёк? Мне так трудно.

— Понял, отвечаю,—Андрей, похоже, немного обиделся столь резкому заявлению и неприятию его шутливой формы общения.—В этом заведении я ещё не был и надеюсь сюда никогда не попасть.

— «Никогда не говори никогда». Все под Богом ходим. Так… А у тебя ещё и удостоверения, наверное, нет?

— Обижаете, Наталья Максимовна. Всё у меня есть.

Вахтёр долго изучал красные корочки, сличая фотографию Натальи с натурой. Даже невооружённым глазом было видно, как медленно ворочаются мысли в его голове. Наталья была не в форме, и вахтёр решил, что ему можно покуражиться.

— По какому вопросу?

— Может, вам ещё автобиографию рассказать?

— Надо будет, и расскажете.

— Сейчас… разбежалась,— Наталья аккуратно, но сильно отодвинула квадратную фигуру вахтёра и взглянула ему прямо в глаза так, что мужик стушевался.
— Да я что… Я это так, для порядка… Проходите, вам всё можно, ежели вы оттуда…
— Всё не всё, но кое-что мы можем. Главврач на месте?
— Не выходил. А этот?..— кивнул на Андрея.

Андрей резко сунул под нос вахтёру свои корочки, и тот мотнул головой:
— Да я чего? Я ничего… Проходите.

Наталья знала, где находится кабинет главврача, и уверенно шла по длинному коридору. Андрей шагал чуть сзади, меняя ногу и пытаясь подстроится под её шаг.
— А вы женщина с характером.
— В нашем деле характер иногда нужен, не в детском саду работаем.
— А в остальное время?
— В остальное время надо пытаться оставаться человеком.
— А с характером, значит, не человек?
— Много вопросов задаёте.

Наталья остановилась перед дверью с надписью «Главный врач». Повернувшись, внимательно посмотрела Андрею в глаза.
— Твоя задача молчать, слушать и внимать. Это приказ.
— Слушаюсь и повинуюсь.
— Ну-ну…

Главврач сидел, заваленный бумагами, и, тыча одним пальцем в клавиатуру компьютера, печатал какой-то документ. Увидев входящих, мельком взглянул, затем, не отрываясь, долго искал нужную букву и, найдя её и с облегчением вздохнув, ткнул пальцем.
— Чтоб ты сдохла, проклятая! Заходите и не говорите, кто вы. Я вас узнал, премилая девушка. Представляете, какая-то скотина в бланке отчёта приписала строчку: «Направлять на магнитном носителе». Это значит…— он замахнулся рукой на компьютер.— Это значит, всю нашу лабуду надо прогнать через эту лихорадку. А медсестра, которая занимается статистикой, заболела. И на меня пала эта чума!
— Вы же врачи, быстренько вылечили бы свою медсестру.
— Я психиатр, а не гинеколог, и учить предохраняться и делать аборты не умею.
— Ну, тогда надо старушку на столь важный участок брать, чтобы по абортам не бегала.
— Наши старухи только клизмы умеют делать, а в этом деле ни бум-бум. Да я и сам… как дятел. Ну так что у вас на этот раз? Во, стихами уже говорю. Башня поехала.
— На это раз у нас Промахова Зоя Сергеевна.
— А… Интересный пациент.
— А что, у вас бывают и неинтересные?— Андрей налетел на негодующий взгляд Натальи и прикрыл пальцами себе рот.
— Бывают, молодой человек, очень даже бывают. Любая масса состоит из массы с вкраплением отличающихся частиц. Вы когда плов едите, вам что интересно— рис или кусочки мяса?
— Я не люблю плов.
— С вами всё ясно. Итак, ваша Промахова.
— Скорее ваша,— Наталья уселась напротив доктора, не предлагая Андрею сесть.

Он покрутился, но, несмотря на свободный стул, сам сесть не осмелился.
— Надеюсь ненадолго.
— Что так?
— За ней есть криминал?
— Да как вам сказать…
— Смею вас уверить, она адекватно оценивает обстановку, и если она совершила что-то противозаконное, то прикрываться своим психическим состоянием у неё нет ни морального, ни юридического права. Не так уж она и больна. Просто у неё очень слабая защита от агрессивной среды, и с таким событием, как смерть мужа, в одиночку она просто не справится.
— К вам её доставили по требованию брата?
— Да… Это как-то связано с вашими визитом?
— Вы общались с её братом?
— Накоротке. Очень специфичный субъект.
— Я хотела бы услышать вашу оценку ему.
— К сожалению, мою оценку нельзя принимать как абсолютную в связи с краткостью общения. Но если коротко…— главврач помычал, подёргал в разные стороны губами, закатив глаза к небу.— Мерзость, в общем… Глубоко, я бы сказал— до устойчивых рефлексов, развращённый зэковской средой психологический тип… Неадекватно хвастлив… Моральные ценности, скорей всего, утратили доминанту и могут вспыхивать только при очень ярких эпизодах… Употребляет или слабые наркотики, или фармацевтические средства. Вот, пожалуй, и всё. Ваш потенциальный пациент. Так сказать, от нашего стола— вашему столу.
— Немного подробнее о наркотиках.
— Скорее всего, «катает колёсики», таблетки то бишь… Явно проявляющихся симптомов наркомании не просматривается. Но я их нагляделся уже столько, что для меня и этого контакта достаточно. Но предупреждаю: для судебно-медицинской экспертизы этот вывод был бы скорее всего спорным и пошёл бы в его пользу. Это факт можно принимать только как субъективный.
— А Промахова?..
— А ваша, то есть наша Промахова через пару недель с диагнозом «вялотекущая шизофрения» будет выписана под наблюдение районного психиатра. С моей колокольни, если она криминально где и запачкана, то только с очень пассивной ролью.

На активные действия она абсолютно не способна. Кто ещё из наших пациентов вас интересует?
— Спасибо, к вам у меня вопросов нет. А вот с Промаховой я бы с удовольствием побеседовала.
— При условии, что вы не будете задавать ей вопросов о смерти её мужа.
— Хорошо… Я попытаюсь обойти эту тему.
— Скажите, сударыня, вы никогда не ремонтировали часы?
— ??
— Тут до вас много людей из всяких контор, типа вашей, побывало, и все рвутся с моими пациентами поговорить. Так вот, представьте себе, что я — часовой мастер. Я долго и очень осторожно, всякими тончайшими инструментами, ремонтирую часовой механизм и уже почти отремонтировал его. Приходите вы, берёте… ну, допустим, гвоздь, а то и гвоздодёр, и тоже пытаетесь там поковыряться. Как вы думаете, мне будет потом обидно глядеть, что́ после вас в этом тонком механизме останется?
— Я постараюсь без гвоздя, а тем более гвоздодёра. А мой коллега будет молчать и только слушать.
— Самое главное — говорите с ней непринуждённо, как бы между делом, без нажима. Создайте впечатление, что вам не очень и нужно то, что вы хотите от неё услышать, и она расскажет вам гораздо больше.

В вестибюле стоял продавленный диван-кровать, зачем-то разложенный и застеленный старым больничным покрывалом. Промахову вывела медсестра, усадила её рядом с Натальей и сказала, что у них десять минут для разговора, потому что больной необходимо идти на процедуры. Зоя Сергеевна, сравнительно молодая женщина с пропорциональной фигурой, сидела на диване бочком, напряжённо вглядываясь в лицо Натальи. Дождавшись ухода медсестры, испуганно оглянулась.
— Вы по поводу Бори? Вам что-то известно? Что с ним случилось? Почему он это сделал?
— Зоя Сергеевна, если вы будете волноваться, наша беседа сразу прекратится. Доктор меня предупредил. Успокойтесь, пожалуйста. Мы просто поговорим о разных вещах.
— Хорошо, я буду спокойна… — шёпотом, почти про себя. — Я буду спокойна… Всё… всё… тихо.
— Зоя Сергеевна, вы с братом часто видитесь?
— Что? С Витей? Нет, не часто. Он всё время куда-то уезжает надолго, говорит — в командировки… Но я не верю… не верю я ему. Он когда приезжает из своих командировок, от него так дурно пахнет, сыростью, землёй, как из старого склепа.
— А откуда вы знаете, как пахнет из старого склепа?
— Это так… образно.
— У вас с братом доверительные отношения?
— Он хороший… он добрый, он мне всё покупает…
Промахова на миг замерла, ушла в глубь себя, затихла, прикрыла глаза. Наталья, внимательно глядя на неё, сделал знак Андрею не шевелиться. Промахова вдруг открыла глаза и, словно что-то вспомнив, вздрогнула всем телом.
— Он страшный… тихий… страшный. Он мне говорил… — она вновь замолчала. — Он говорил, что любит смотреть, как голодный человек ест… А сам, когда он голоден, он тоже ест страшно… Давится… Он говорил… — Зоя Сергеевна вновь затихла, и пауза длилась больше минуты.
— Что он вам ещё говорил? Вспомните… Он говорил, что хочет жить с вами? Они ссорились? — Наталья преднамеренно не упомянула, с кем мог ссориться брат Промаховой. — У них была драка?
— Витька ни с кем никогда не дерётся. Он считает, что он сильный, а драка — удел слабых. За интересы сильных должны драться слабые. С Борисом они никогда не ссорились, а уж тем более не дрались. Они просто совершенно разные, и у них не могло быть поводов для ссор, — Промахова уже всплыла из своего зазеркалья, и глаза её вновь обрели осмысленность. Она прекрасно поняла, кого имела в виду Наталья. — Борис считал Витьку подонком. Маленьким и хищным зверьком. Он его при мне звал «Мангуст».
Медсестра показалась в дальнем конце коридора. Это означало, что у Натальи осталось не более минуты.
— Зоя Сергеевна, вас сюда Виктор определил?
— Да… Я, кажется, своим криком перепугала всех соседей, Он вызвал скорую… Меня… Скажите, Бориса уже похоронили?
— Зоя Сергеевна, простите, я не знаю. Я только начала заниматься этим делом. Вы выздоравливайте. Не волнуйтесь, всё образуется…
— Да, да… Всё образуется… Виктор как придёт… А впрочем…
Медсестра взяла Промахову за руку и повела по коридору. Она шла, оттягиваясь назад, как ребёнок, которого ведут за руку туда, куда он не хочет.

До автобусной остановки было метров пятьсот, и дорожка шла по ровной и довольно унылой аллее, засаженной хоть и подстриженной, но пыльной акацией. Как Андрей ни ёрничал, обстановка психушки достала его, и он молча переваривал компот впечатлений. Наталья, изредка поглядывая на стажёра, продолжала осмысливать сказанное, всё больше утверждаясь в мысли, что этого братца-родственничка надо крутить по полной программе. Чутьё Смагина, скорей всего, не подвело его и на этот раз. «…Он тихий… он страшный… он любит смотреть, как едят голодные…» Интересно, что́ это значит — «любит смотреть, как едят голодные»?
— Андрей, чего притих? Психушка давит?
— Если честно — да. Ощущение ужасное.
— На свежую голову скажи мне, почему человек может любить смотреть, как едят голодные?

— А чёрт его знает. Приколы у него такие. Шизанутый, наверное.
— Не хочешь думать.
— А чего тут думать? Человек когда сильно голоден, то не контролирует себя. Это как пьяный. Не контролирует — значит, поступает естественно, не притворяясь. Все правила приличия — это притвора. К примеру: все окружающие знают… предполагают, как я могу выглядеть без штанов, но я их всё равно надеваю, потому что контролирую себя и делаю так, как это угодно другим. Значит, я притворяюсь.
— Ну и что? Наплёл с три короба.
— Вы же сами попросили. Раз он любит смотреть на это, значит, хочет разглядеть человека без штанов. Образно говоря.
— А зачем ему это?
— Ну возьмите и спросите прямо у него. Он что, в бегах?
— Да вроде пока нет. Может, и рванёт, как зацепим. Сегодня он должен проживать по месту прописки, в квартире Промахова. Нет, Андрей, рано его ещё об этом спрашивать. Тут, может быть, какая-нибудь заковыринка, очень важная заковыринка. Спросишь, а он и затаится. Рано… Момент истины ещё не подошёл.
— Скрадываете.
— Да, Андрюша… Хватану я ещё горя с вами. Кстати, а как ваше отчество?
— Максимович.
— Ну вот…
— Но отчество-то вам чего не угодило?
— Ладно. Сегодня мне всё угодило. Давай быстрей, автобус подходит.

Судмедэксперт, порывшись в бумагах, нашёл копию заключения по Промахову.
— По какому поводу тревожим прах безвременно усопшего?
— Как прах выглядел при осмотре?
— Товарищ, пока летел до земли, неоднократно стукался о кромки балконов и ветки деревьев. Так что картина повреждений достаточно многогранная. А что, криминал засветился? Явных следов прижизненного насилия я не углядел.
— Родственничек засветился, которому ещё прижизненный пострадавший сильно мешал.
— А родственничек — с криминальным подкладом…
— Точно. Василий Семёнович, вспомните, может, вам что-то странным показалось при его осмотре? Что-то такое… что отличало бы его от банального самоубийцы. Не вписывается он в этот типаж.
— Да чёрт его знает… Обычный «летун». Сейчас таких много. Вы предполагаете, что его вырубили? А потом уже в полёт отправили?
— Предполагаю.
— Чёрт его знает…

Судмедэксперт в задумчивости сунул палец в рот, постукивая им по зубам. Наталья невольно сморщилась, подумав, где недавно побывал этот палец и мыл ли он после этого руки.
— Присутствовала у него на лбу небольшая… специфическая такая ссадинка… размытая такая. Как будто от удара чем-то недостаточно твёрдым…
— Вы имеете в виду — кулаком?
— Возможно. Но это предположительно. Я его осматривал как обычный суицид. Была бы наколка, можно было бы и поковыряться.
— Ну что, тогда — эксгумация. Труп наисвежайший.
— Дело ваше. Я — как юный пионер на клумбе, всегда готов. Прокурор скажет «надо» — мы ответим «есть».

Мишка, младший сын Андрея, с малого возраста отличался явно выраженной самостоятельностью. С шести-семи лет сам себе готовил завтраки, мог поджарить яичницу, сварганить простенький супец. И не потому, что некому было готовить. Характер такой удался. Когда позже мать стала болеть, всю заботу по кухне спокойно взял на себя. Компьютер одолел тоже практически самостоятельно. На все попытки отца помочь отвечал категорически: «Я сам». На втором курсе института, подрабатывая в салоне по продаже компьютерной техники, на пару с однокашником снял комнату. Собрав дома свои вещи, Мишка постоял минуту на пороге, оглядел квартиру, вздохнул и, сказав: «Всё, дорогие родители, дальше я буду жить сам», — ушёл. Приходил иногда, молча сидел на кухне, курил в форточку, односложно отвечал на материны вопросы и уходил. Евгения приняла его уход спокойно, считая, что только так ребёнок может познать суровые реалии окружающей жизни, а вот Андрей попереживал. Если старший, Славик, стал жить отдельно, уже женившись, и это было нормально, то с Мишкой получалось как-то не так. И вообще, Мишка тревожил… То ли своей замкнутостью, то ли желанием быть незаметным. Если уж быть честным до конца, то Андрея беспокоила схожесть характеров Мишки и жены. Что-то было в них общее. И это настораживало. После знакомства с Натальей у Андрея сложилось окончательное решение уйти из дома. Просто уйти и пожить отдельно. Слишком уж стал заметен контраст общения с этими двумя женщинами.

Андрей сидел на низком стульчике возле ворот гаража и бездумно смотрел на лежащее перед ним спущенное колесо. Выдернутый из колеса кривой гвоздь лежал рядом. Нормальные люди заезжают в шиномонтажку и решают такие проблемы за пять минут. Денег было в обрез, следующий заказ даже и не маячил на горизонте, и тратить полсотни выглядело бы фатовством. Колесо своим намертво присохшим к диску ободом смотрелось так противно — глаза бы не глядели. Неслышно

подошёл Григорий Федотыч, сосед через три гаража. Подошёл, присел на корточки, тоже стал внимательно разглядывать колесо.

— Дак гвоздь же! — Федотыч вдруг громко шлёпнул себя по лбу. — А я думаю: чего ты его снял? Ты ж его гвоздём проколол.

Федотыч слыл в гаражах большим оригиналом. Специалист на все руки, в периоды больших и малых запоев он, только повернув из-за угла крайнего гаража, громко кричал: «Выпить хочу!.. Рыбы хочу!..» Это обозначало, что Федотыч готов пойти на алкогольный контакт с любым желающим. И желающие, как правило, находились. Андрей поглядел на Федотыча, недоуменно пожал плечами.

— И правда! А я думаю: чего это я его снял?

— Ну и чего?

— А ничего. Перебортовывать надо.

— Ну и чего?

— А не хочется.

— А… А я думал…

— Да нет. Это другой случай.

— Понял, не дурак. А хошь, за пять минут перебортую?

— Ну да?

— А у меня приспособуха специальная есть.

— А… Ну, тогда оно конечно…

— А тебе слабó за пивком сбегать?

— Слабó. Денег нет.

— Какое совпадение — у меня тоже. А ты чего такой квёлый? Глисты завелись?

— В душе.

— Это хуже. Если бы в брюхе, тогда оно проще, а коль в душе… Много водки надо, чтобы вывести.

— Пробовал, не получается.

— Не то ты пил. Коньяк, наверное… Коньяк, он… — Федотыч закрутил палец в небо. — Он того… От коньяка на философию тянет, а это, я тебе скажу, чистая погибель. Надо веселуху, какую попроще, в таких случаях потреблять. Бражку там или самогонку.

— А что, есть разница, от чего дуреешь?

Федотыч встал, поглядел сверху вниз на Андрея, махнул рукой.

— Толкуй тебе. Ни хрена ты не понял. Сиди, сейчас принесу.

Федотыч принёс скобу для отжатия бортов колеса и полстакана водки, закрытой, натянутой поверху стакана резиновой перчаткой.

— Во, из особого резерва, держу на случай предсмертных событий.

— Чего это ты меня хоронишь? Да и вообще…

— Выпей, Николаич, не кобенься. Я от души.

Андрей поглядел на Григория Федотыча, и в горле защипало от тихой нежности к этому чудаковатому и порой совсем непонятному мужику.

— Федотыч… ты…

— Пей, паря, пей…

Андрей медленно выпил тёплую, пахнущую резиной водку, занюхал рукавом.

— А перчаткой-то чего закрыл?

— Чтобы градус не уходил. Давно уже стоит.

— Спасибо, Федотыч. С меня бутылка.

— Ладно, на том свете угольками рассчитаемся. Пошёл я, дел у меня невпроворот.

«Учреждение», так Андрей звал своё ООО «Файл», тихо, каждый сам по себе, сидело за своими компьютерами и творило. Кто что. «Учреждение» представляло собой уродливое сочетание советского АСУ в том понимании, которое в него заложили при зарождении этой отрасли, и фирмы, купленной богатым хозяином по случаю, как мы иногда покупаем на базаре что-либо для хозяйства, будь то картофелечистка или открывашка для бутылок. Хозяина никто ни разу не видел, и его эфемерный образ иногда только витал в разговорах, когда дело касалось подписания договоров. Некто Барсуков жил где-то в Москве, занимался большим бизнесом, и договоры на заказы отправляли ему по почте. На месте всеми делами заправлял маленький, тихий и картавенький еврей Модест Феоктистович Гроднянский, кандидат каких-то наук, пионер советской вычислительной техники. Вся его задача состояла в соблюдении сроков выполнения заказов. Чем занимались сотрудники в межзаказное время, его категорически не касалось. А сотрудники отчаянно калымили, кто на чём. В основном это были небольшие сетевые программы для всяких мелких шарашек, что развелось как нерезаных собак. Андрей работал «под крышей» Витали Воронцова, менеджера, предпринимателя, агента и программиста в одном лице и грузном теле. Виталины широкие связи позволяли иметь постоянную прикормленную клиентуру и почти стабильный приварок к основной зарплате.

— Витя, хочешь стандартную ситуацию?

— Если стандартную, то хочу.

— Можно, я у тебя на даче поживу?

Виталино удивлённое лицо показалось из-за монитора.

— Ни фига себе ситуация. А почему стандартная?

— Ну как почему?.. Человеку надо пожить одному, и он просит товарища разрешения пожить на его даче. Сто раз в литературе описано.

— В литературе, может, и… С женой поругался?

— Я же тебе сказал: хочу пожить один.

— Так… Не зря у тя «железа» зависала. Я всё чую. «Старый я уже…» Добрался-таки бес до твоего ребра. А что, у прекрасной Дульсинеи и крыши своей нет? Тю… Как Аркадий Велюров, в пэтэушницу влюбился?

— Господи, наговорил-то — сто вёрст до небес. Всего и дел, что пожить один хочу. Ты же знаешь, что у нас с Евгенией давно нелады.

— Андрей, — Маринка белочкой шустро вынырнула из-за своего монитора, — у тебя женщина?!

— Марина, я тебя умоляю…
— Мариночка, у каждого мужчины должна быть женщина, иначе он просто «голубой».

Марина обиделась.

— Интеллигентный ты человек, Витя, а логика у тебя кирпичная. «Должна быть, не должна быть». Любовь — это же порыв… страсть. Это неуправляемая энергия!
— Вот на твоего Лёшу налетит страсть, тогда посмотрим, что ты запоёшь.
— Чирей тебе на язык, Витюня. Мой Лёшка таким заболеваниям не подвержен.
— От этого ты и нюнишь иногда втихушку?
— Дурак ты, Витя, и не лечишься.

Маринка обиделась окончательно и спряталась за монитор. Витя попал в самое болючее место. Её Лёша, как бегемот, мог только жрать и спать сутками. К чужой женщине страсти его не обуревали, а если судить по тихим слезам Маринки, то и к своей тоже.

Окончание следует